

ДОННА МАРЧЕТТИ

Мой враг по переписке

Перевод Ирины Ягодкиной и Михаила Ягодкина

*Р.С. Надеюсь,
в тебя ударит
молния!*

18+

роман

МИО

МИФ Проза

Донна Марчетти

Мой враг по переписке

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2024

УДК 821.111-31.2
ББК 84(7Сое)6-449

Марчетти Д.

Мой враг по переписке / Д. Марчетти — «Манн, Иванов и
Фербер (МИФ)», 2024 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-214847-9

Наоми с волнением ждет ответ от Луки – нового друга по переписке, а получает неразборчивое письмо, полное оскорблений. Так начинается самая странная дружба между девочкой из Оклахомы и мальчиком из Сан-Диего. Спустя годы их взаимный обмен колкостями внезапно обрывается – Лука исчезает, а конверты возвращаются нераспечатанными... Но однажды утром на телеканал, где работает Наоми, приходит письмо без обратного адреса, написанное знакомым корявым почерком. Лука бросает Наоми вызов, и она ни за что не проиграет! Для кого эта книга Для любителей милых и смешных ромкомов. Для тех, кто хочет почувствовать химию между героями. Для поклонников Али Хейзелвуд, Норы Эфрон и Эмили Генри.

УДК 821.111-31.2

ББК 84(7Сое)6-449

ISBN 978-5-00-214847-9

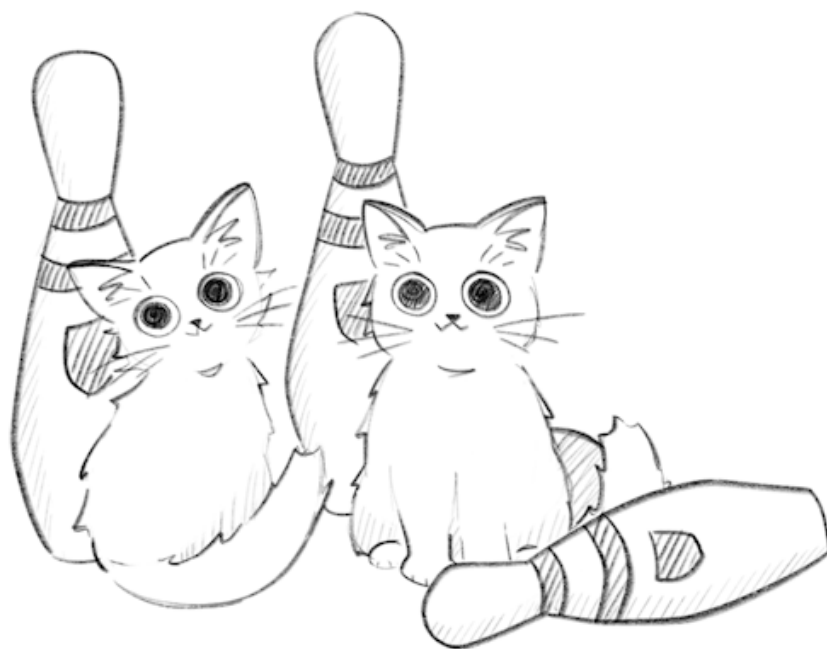
© Марчетти Д., 2024
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2024

Содержание

Плейлист	7
Глава первая. Красивым девушкам угрожают смертью	8
Глава вторая. Братья и сестры	12
Глава третья. Имена – это сложно	16
Глава четвертая. Беда с заусенцем	26
Глава пятая. В поисках пляжей получше	32
Глава шестая. Взгляд Демона-Хаски	38
Глава седьмая. Несчастливая слепая женщина	42
Глава восьмая. Правила для сталкеров	46
Глава девятая. Еще один день	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Донна Марчетти

Мой враг по переписке

Original title:
HATE MAIL
by Donna Marchetti

На русском языке публикуется впервые

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

© Donna Marchetti 2024

Donna Marchetti asserts the moral right to be identified as the author of this work

© This edition is published by arrangement with Darley Anderson and Associates Ltd. and The Van Lear Agency

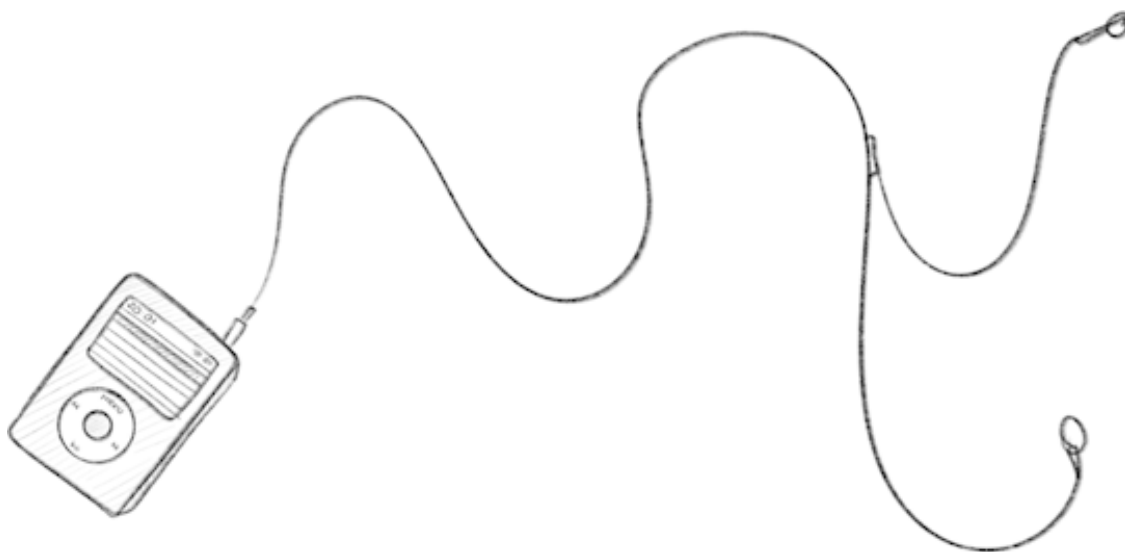
Cover design by Lucy Bennett © HarperCollinsPublishers Ltd 2024

Cover illustration © Leni Kauffman

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *

Плейлист

invisible string – Taylor Swift
Now I'm In It – HAIM
Mess It Up – Gracie Abrams
Late Night Talking – Harry Styles
Ghost of You – Mimi Webb
Feel Again – OneRepublic
Nonsense – Sabrina Carpenter
get him back! – Olivia Rodrigo
Someone To You – BANNERS
I Wish You Would – Taylor Swift
Motivation – Normani
People Watching – Conan Gray
Die For You – The Weeknd, Ariana Grande
Stuck In The Middle – Tai Verdes
goodnight n go – Ariana Grande
Kiss Me – Sixpence None The Richer
Death By A Thousand Cuts – Taylor Swift
Complicated – Olivia O'Brien
Heaven – Niall Horan
Back To You – Selena Gomez
Paper Rings – Taylor Swift
What If – Colbie Caillat
This Love – Taylor Swift

Глава первая. Красивым девушкам угрожают смертью

Наоми

– Кажется, это новый рекорд. Ты в эфире всего вторую неделю, а у тебя уже появился поклонник.

Я вздрагиваю и разворачиваюсь в кресле, услышав голос Энн за спиной. У нее привычка подкрадываться к людям, особенно в этих туфлях. Шаги слишком тихие, даже по кафелю. Энн улыбается и машет мне письмом, зажатым в руке.

– Не знала, что метеорологам пишут фанаты. Мне стоит беспокоиться?

– Красивым – пишут, – подмигивает Энн. – Но я же говорю: две недели – это новый рекорд. Будем надеяться, новый фанат не станет тебя сталкерить.

Я беру у нее простой белый конверт и переворачиваю. На нем от руки написаны мое имя и адрес новостной студии. Энн наблюдает за мной, даже не думая скрывать предвкушение. Я подцепляю пальцем клапан и разрываю конверт пополам.

– Взяла бы нож для писем, – с раздражением говорит Энн.

– Кому он нужен? Я и так справляюсь.

– О бумагу порежешься.

Я безразлично пожимаю плечами.

– Не знаю, всегда так письма открывала.

Я лезу в разорванный конверт и достаю сложенный тетрадный листок. Письмо написано от руки. Коротко, просто, по делу.

Дорогая Наоми.

Надеюсь, в тебя ударит молния и ты умрешь во время следующего эфира прогноза погоды. Разве это не будет иронично?

Л.

Не сдержавшись, я смеюсь в голос. Пытаюсь прекратить, но поздно: меня трясет от смеха. Энн хмурится и выхватывает письмо, чтобы понять причину моего веселья. Я сквозь слезы смотрю, как ее глаза расширяются, а лицо краснеет.

– Боже мой, – говорит Энн. – Прости меня. Я не знала, что это. Я не... С тобой все хорошо? Почему ты смеешься?

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться, потом поднимаю порванный конверт. Обратного адреса нет: сплошное разочарование.

– Откуда оно взялось?

Энн качает головой. Моя реакция ее явно смутила.

– Пришло с утра. Обратный адрес не указан. Ты знаешь, от кого оно?

Я киваю. Мои губы вновь расплываются в улыбке.

– Я два года не получала вестей от этого человека.

Мой ответ только больше напрягает Энн.

– Это какая-то шутка? Или тебя стalkerит псих, о котором мы должны знать?

– Все довольно сложно объяснить... Долгая история.

Энн подтаскивает стул от соседнего стола и садится рядом, готовая слушать.

– У меня есть время.

Моя работа на сегодня закончена, и мне не хочется, чтобы этот разговор слышали все коллеги, поэтому я встаю и начинаю собирать вещи.

– Я как раз хотела уходить, – говорю я. На лице Энн отражается разочарование. – Попьем вместе кофе? И я тебе все расскажу.

Дорогой Лука.

Я так рада, что стала твоей подругой по переписке. Моя учительница говорит, что ты живешь в Калифорнии. Я еще не встречала никого оттуда. Мне кажется, это очень круто! Ты каждый день ходишь на пляж? Я бы ходила, если бы жила там. Наверное, тебе это очень нравится.

Я живу в Оклахоме, но всегда хотела жить рядом с пляжем, чтобы ходить туда, когда захочу. В моем городе делать особо нечего, если не считать походы в торговый центр или к реке, но она не такая красивая, как настоящий океан.

Чем ты любишь заниматься в Калифорнии? У тебя есть домашние животные? У меня есть хомяк, но я очень хочу кошку. Мама говорит, что я смогу ее завести, когда стану старше, но она говорит так, сколько я себя помню. Мне уже десять, и мне кажется, я достаточно взрослая, чтобы заботиться о кошке. Или о хорьке. Если мне нельзя кошку, то я очень хочу хорька. А ты? Тебе нравятся хорьки?

С любовью,

Наоми Лайт

Я училась в пятом классе, когда написала первое письмо Луке Пичлеру. Учительница велела нам выбрать друзей по переписке, вытянув случайное имя из шляпы. Так я в итоге связалась с мальчиком из Калифорнии и очень радовалась новому знакомому, живущему в другом штате. У меня до этого никогда не было друга по переписке, и я не знала, как мне закончить письмо. Мама всегда велела мне завершать фразой «с любовью, Наоми», поэтому и в этот раз я написала так. И только потом подумала, не странно ли говорить «с любовью» мальчику, с которым я никогда не встречалась. Ведь раньше я отправляла письма только родным.

Что-то менять было уже поздно, и я не хотела ничего пачкать и выглядеть неряхой. Миссис Гобл приближалась к моей парте, собирая по пути письма. Я засунула свое в конверт и отдала ей.

Она объяснила, что письма отправятся на почту следующим утром, и пройдет около недели, прежде чем их получат наши друзья по переписке. Потом еще через несколько дней нам придут ответные послания из Калифорнии.

Мы получили письма через две недели. Я была в таком восторге, что мне доставили почту не от кого-то из родных. Открыв конверт, первым делом я обнаружила, что почерк у Луки Пичлера был чудовищным. Если бы он хоть попытался писать аккуратно, я прочла бы письмо в два раза быстрее.

Дорогая Наоми.

Похоже, ты очень скучная. Мама говорит, что Оклахома находится посреди Библейского пояса, так что, наверное, ты забеременеешь в шестнадцать. А хорьки вообще воняют. Если хочешь настоящего питомца, заведи собаку, а то кошки скучные. С другой стороны, именно тебе кошка может идеально подойти.

У вас в Оклахоме есть торнадо?

С любовью,

Лука Пичлер

То, сколько сил мне пришлось приложить, чтобы разобрать его ужасный почерк, разъярило меня еще больше. Мое письмо было таким вежливым и веселым, а он ответил... так?! У меня задрожал подбородок. Я не могла позволить миссис Гобл увидеть мое разочарование, поэтому сложила лист и сделала глубокий вдох. Сморгнула влагу из глаз. Потом развернула письмо и прочитала снова. Лука закончил его фразой «с любовью», как и я. Интересно, мама тоже его так научила или он просто меня копировал? Может, это даже была ирония после такого гадкого письма. Неужели пятиклассники в Калифорнии способны на подобное? Я сомневалась. Наверное, этим он просто дразнил меня, как и в своем письме в целом.

Я аккуратно вырвала чистый лист из тетрадки, взяла ручку и написала ответ.

Дорогой Лука.

У тебя ужасный почерк. Я даже не поняла, что написано в письме. Похоже, ты рассказал, что у тебя пять кошек, а твое любимое занятие на выходных – чистить их лотки. Это немножко странно. Наверное, тебе не нужно пить столько соленой воды. Все-таки хорошо, что я живу так далеко от океана.

И да, у нас тут есть торнадо.

С любовью,

Наоми

Его следующее письмо было легче понять. Он явно не спешил, чтобы почерк стал аккуратнее. Это была моя маленькая победа, пусть новое послание оказалось еще грубее первого.

Дорогая Наоми.

Я пишу это письмо медленнее, чтобы твой тупой оклахомский мозг за ним поспевал. Меня огорчило то, что твои родители – брат и сестра. Я слышал, что инцест вызывает много отклонений у ребенка. Теперь понятно, почему ты стала такой.

Рад узнать, что в Оклахоме есть торнадо. Если повезет, один из них уничтожит твой дом и не даст твоим родителям рожать новых детей, таких же, как ты.

С любовью,

Лука

Получив второе письмо, я была в бешенстве. Я не понимала, как можно быть таким невоспитанным и отвратительным. Я скомкала письмо и засунула в парту, поклявшись никогда больше не писать Луке. В первый раз я допускала, что у него просто был плохой день, но теперь стало ясно: он поступал так, потому что был ужасным, просто ужасным человеком.

– Но ты ответила ему, да? – спрашивает Энн. – Ты сказала, что не получала от него вестей два года. Или он продолжал тебе писать, несмотря на молчание?

– Я написала. В итоге.

– А твоя учительница видела его письма?

Я передергиваю плечами.

– Нет. Она всегда отдавала нам не вскрытые конверты. Думаю, пока никто не жаловался, она считала, что наши друзья по переписке хорошо себя ведут. Но это пошло мне на пользу, ведь после этого я стала ужасно себя вести.

– Ты правда разозлилась или просто хотела увидеть его реакцию?

Замолчав, я задумалась.

– Сначала злилась. Но со временем я начала ждать его писем. Хотела увидеть, насколько он может быть гадким. И поставила себе цель – быть хуже, чем он.

Энн кидает взгляд на письмо, лежащее на столике между нами.

– Похоже, теперь твоя очередь.

Я поднимаю конверт и пробегаюсь по строчкам знакомого почерка. А потом напоминаю:

– Обратного адреса нет. Как мне написать ответ?

– Попробуй прошлый адрес, – предлагает Энн.

– Я пробовала. Полтора года назад. Вернулось недоставленным. Обычно, когда кто-то из нас переезжал, мы присылали следующее письмо с новым обратным адресом. В этот раз он переехал, но письмо не прислал.

Энн задумчиво сжимает губы. И через минуту говорит:

– Он бросает тебе вызов.

– Бросает вызов?

– Да. Тебе нужно найти его, – поясняет она. – Если ты не пошлешь ответ, последнее слово останется за ним. Он закончит почтовую битву, длившуюся много лет. Ты готова позволить ему победить?

Я качаю головой.

– Черта с два. Я его выслежу.

Глава вторая. Братья и сестры

Лука

Я думал, что друг по переписке – это просто тупо. Мне было нечего сказать какому-то другому школьнику в каком-то другом штате. Наверное, я был единственным ребенком в нашем классе, кого это не взбудоражило. Пока остальные читали свои письма друг другу и обсуждали, что написать в ответ, я сидел на заднем ряду и жалел, что не могу играть в видеоигры дома.

Не то чтобы это было заданием на оценку. Миссис Мартин, скорее всего, и не читала наши письма.

– Лука, – сказала она, привлекая мое внимание. – Ты не хочешь поделиться своим письмом?

Я покачал головой.

– Не особенно.

Она сочувственно улыбнулась.

– Может, просто прочитаешь его Бену?

Мой друг сидел за соседней партой и выглядел примерно таким же восторженным, как и я. Я пихнул письмо через парту к нему. Он прочитал его, а потом сунул обратно.

– Она много пишет про океан, – сказал Бен.

– Знаю, – согласился я.

– Что будешь писать?

– Ничего. Это тупо.

– Ты считаешь, что все тупо.

– Все *и правда* тупо.

– Тебе надо ей ответить, – сказал он.

– Почему?

– Потому что иначе она будет единственной в своем классе, кто не получит письма.

Я закатил глаза и со вздохом перелистнул страницу на чистую. Еще раз посмотрел на письмо Наоми, а потом накорябал собственное. Закончив, я ухмыльнулся. Вырвал лист из тетради и передал его Бену.

– Ты не можешь это отправить, – сказал он. – У тебя будут огромные неприятности.

– Миссис Мартин даже не будет их читать, – прошептал я в ответ.

– Это гнусно, – сказал он. – Она будет плакать из-за тебя.

– Ну и? Я с ней не знаком.

Забрав письмо, я согнул его и положил в конверт, который выдала учительница. Я думал, что на этом все закончится. Наоми Лайт попросит нового друга по переписке, а мне не нужно будет ни с кем общаться.

Но это был не конец. Через две недели миссис Мартин выдала нам новые письма. Я удивился, поняв, что Наоми снова написала мне. Бен тоже выглядел изумленным. Он подождал, пока я открою конверт, прежде чем распечатывать свой.

– Что она написала? – спросил он, прежде чем я закончил читать.

Ее письмо меня разозлило.

– Она даже не поняла, что я ответил ей, и придумывает всякую ерунду.

Я раскрыл тетрадь и начал набрасывать новое письмо. Наполовину написал первое предложение и зачеркнул его. Она была права. Мой почерк ужасен. Миссис Мартин вечно просила меня писать чище, и даже мама говорила, что мне стоит работать над аккуратностью. Я перешел на новый лист и начал заново. В этот раз я писал медленнее, стараясь, чтобы буквы были отдельными и читаемыми.

Закончив, я показал письмо Бену. Пока он читал, его брови взлетели на лоб, а потом он хмуро уставился на меня.

– Гадость какая, – сказал он. – Что, в Оклахоме правда так делают? Крутят с братьями и сестрами?

Я пожал плечами.

– Скорее всего, нет.

Я взял письмо и сунул его в конверт.

– Почему ты так ей грубишь? Она явно была в восторге, что у нее появился друг по переписке.

Бен оглянулся на других ребят в классе, и я проследил за его взглядом. Все девчонки широко улыбались, пока читали полученные письма; они перекидывались идеями, что написать в ответ. Я понимал, что делает Бен. Он пытался заставить меня увидеть Наоми как одну из них: живого человека, а не листок бумаги, пришедший по почте.

– Я не хочу продолжать писать кому-то весь год. Если она решит не отвечать, то виноват в этом буду не я, и миссис Мартин оставит меня в покое.

Я запечатал конверт, вписал имя Наоми и адрес ее школы, а потом кинул в корзину, которую отвели для наших писем. Я был первым, кто сдал свое. Миссис Мартин улыбнулась мне.

– Быстро ты, – сказала она.

Я пожал плечами и выдал ей самую обаятельную из своих улыбок:

– Моей подруге очень просто писать. Скорей бы получить ответ.

Спустя еще две недели нам пришли обратные письма. Миссис Мартин прошла по классу, раздавая конверты. Дойдя до моего стола, она остановилась, перебирая стопку в руках. Вытащила одно письмо и протянула его Бену. Добралась до конца стопки и начала сначала.

– Хм, – сказала она, когда стало ясно, что письма для меня там нет. – Мне жаль, Лука. Судя по всему, в этот раз письмо тебе не пришло, но его могли отправить отдельно от других. Такое иногда случается. Скорее всего, мы получим его через день-два.

– О, ладно...

Я пытался казаться разочарованным, хотя слишком стараться не пришлось. Странно, но я и правда был немного расстроен. Пока мы ждали писем, я понял, что надеюсь на новое саркастичное письмо от Наоми, чтобы я мог ответить еще чем-нибудь поглубже.

Конечно, весь смысл мерзких писем был в том, чтобы заставить ее прекратить переписку, но я не осознавал, что это случится так быстро. Теперь я был единственным в классе, кто не получил письма.

На следующий день я притормозил у стола миссис Мартин в конце перемены.

– А сегодня мне пришло письмо? – спросил я.

Она покачала головой.

– Мне жаль, Лука. Пока ничего. Может быть, завтра?

Но и на следующий день ничего не было. И на следующий.

К тому времени, как по почте пришла следующая партия писем, я уже оставил надежду получить ответ. Я даже не поднял взгляда на миссис Мартин, пока она шла по классу, раздавая письма. Но когда я делал домашку, она бросила мне на стол конверт. Я с удивлением взглянул на нее. А она подмигнула, уходя дальше по классу с оставшимися письмами.

– Кажется, твой план не слишком-то хорошо сработал, – сказал Бен.

Я проигнорировал его и открыл письмо.

Дорогой Лука.

Я не собиралась отвечать тебе после того, что ты написал мне в последний раз. Не люблю использовать плохие слова, но хочу, чтобы ты знал: ты говнюк. Я поняла, что ты, скорее всего, написал мне все эти гадости, чтобы избавиться от моих ответных писем, поэтому решила, что лучшим наказанием будет продолжать писать тебе.

Кажется, мне стоит сообщить, что мои родители не брат и сестра. Странно, что ты вообще подумал об этом. У тебя какие-то отвратительные фантазии. Надеюсь, что у тебя нет братьев или сестер, но, если есть, они наверняка не приближаются к тебе на пушечный выстрел. Твоя душа крайне уродлива, и держу пари, внешне ты уродлив не меньше.

Кстати, какая погода в Калифорнии в это время года?

С любовью,

Наоми

Дорогая Наоми.

Вообще-то, я вовсе не страшный. Все девочки в моем классе считают, что я красавчик. Учительница однажды поймала девчонок в классе, передающих друг другу записочку, и в ней так и было написано. Так что ты ошибаешься. А еще я единственный ребенок в семье. Ужасно мерзко, что ты считаешь, будто я фантазирую про братьев и сестер. Почему ты вообще подумала о таком? Сама об этом фантазируешь? Гадость.

Погода в это время года довольно хорошая. На улице почти плюс двадцать семь. Думаю после школы сходить на пляж.

С любовью,

Лука

Дорогой Лука.

Девочки в твоём классе ошибаются, потому что в пятом классе мальчики красавчиками не бывают. Скорее всего, они имеют в виду, что ты просто тощий. Моя старшая кузина говорит, что мальчики становятся красивыми только в старших классах. Но это неважно: главное, чтобы ты спал спокойно.

Я очень завидую вашей погоде. Здесь очень холодно и облачно. Хотела бы я сейчас полежать на пляже. А ты загорелый? Я бы очень хотела загореть.

*С любовью,
Наоми*

Дорогая Наоми.

Хватит пытаться подружиться со мной, болтая про погоду и загар. Это не сработает. А еще тебе, скорее всего, не стоит лежать на пляже, потому что кто-нибудь может принять тебя за кита. А дальше ты вдруг окажешься посреди толпы людей, которые пытаются вытолкать тебя обратно в океан.

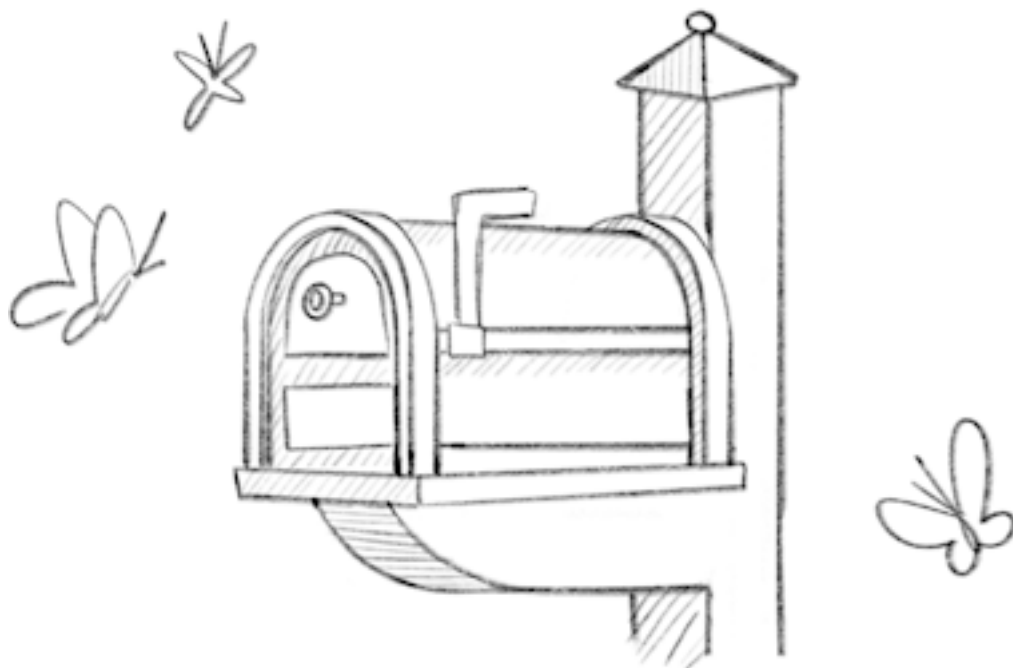
Мне все равно, что там твоя кузина говорит про мальчиков. Если она старше нас, конечно, она не считает мальчиков из пятого класса красавчиками. И еще, я не просто тощий. У меня есть пресс.

*С любовью,
Лука*

К началу зимних каникул я был одним из немногих, кто до сих пор неизменно получал письма от своего друга по переписке. Даже Бену наскучило его общение. Когда мы вернулись в школу в январе, всего один конверт ждал своего ответа. Он был адресован мне. Весь класс обернулся посмотреть на меня, когда миссис Мартин объявила, что я получил письмо от своего друга по переписке. Все как будто уже забыли, что эти друзья вообще существуют.

Я засунул конверт в рюкзак, чтобы прочесть потом, без свидетелей. Написав ответ, я изменил обратный адрес на свой домашний. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь знал, что я единственный все еще общаюсь со своим другом по переписке.

Глава третья. Имена – это сложно

Наоми

– Мне кажется, что это еще не все, – говорит Энн. – Вряд ли история закончилась вашей перепалкой в пятом классе.

– Не все. Далеко не все. Я же говорила, это долгий разговор.

– Ты сохранила какие-то письма?

Я пожимаю плечами.

– Наверняка где-то лежат.

Это ложь. Я точно знаю, где лежат письма. Они спрятаны в коробке из-под обуви на верхней полке моего шкафа и разложены в хронологическом порядке. Я даже сохранила собственные письма, которые мне вернули невскрытыми, когда Лука переехал.

– Поверить не могу, что ты мне об этом не рассказывала, – восклицает Энн. – Разве ты не должна всем делиться с лучшей подругой?

– Мы с тобой познакомились сразу после того, как мне перестали приходить его письма, – напоминаю я. – Просто к слову не пришлось.

Если честно, я никому не говорила о Луке. Родители знали, но лишь потому, что видели, как я получаю и отправляю конверты. Еще соседка в колледже пару раз замечала, как я ему пишу, но мы это особо не обсуждали, да и письма она не читала.

Я слышу, как за моей спиной открывается дверь кафе, и Энн переводит взгляд туда. Но, даже отвлекшись, не меняет тему:

– И как же ты его найдешь?

– Без понятия. Покопаюсь в публичных архивах? Я даже не знаю, с чего начать.

– У тебя есть его имя и фамилия.

– Да, но, если ты помнишь, я не знаю, где он сейчас живет.

– Просто проверь страницу на фейсбуке¹.

Я достаю телефон из сумочки и говорю:

– Ну конечно. Почему я об этом не подумала?

Глаза Энн расширяются, но потом она хмурится.

– Ты что, ни разу его там не искала? Тебе не было любопытно, как он выглядит?

– Конечно, искала, но уже давно. А в профиле у него стояла фотка с еще пятью парнями, так что я не знала наверняка, который из них – он.

Энн снова смотрит мимо меня, куда-то в сторону кассы. Я оборачиваюсь, чтобы понять, на что она пялится, и вижу, как мой сосед заказывает кофе. Неудивительно, что она взгляд отвести не может. Даже стоя к нам спиной, Джейк Дюбуа выглядит симпатичным. У него темные волосы, футболка приятно облегает мышцы, а короткие рукава обтягивают бицепсы, когда он протягивает оплату через прилавок. Мы обе любимся им еще пару секунд, а потом я снова поворачиваюсь к Энн и смотрю в экран телефона. Открываю фейсбук¹ и вбиваю в строку поиска «Лука Пичлер». Всплывают несколько профилей.

– Думаешь, кто-то из этих? – спрашивает Энн, наклоняясь через столик, чтобы тоже видеть экран.

Я листаю список.

– Ни один из них не живет в Америке. Не знаю. Конечно, он мог переехать в другую страну, но я не уверена. Потом поищу пристальнее.

Неожиданно над нашим столиком нависает фигура. Первой на Джейка смотрит Энн, подавляя удивленный писк.

– Привет, – говорит она, краснея. У меня явно такое же порозовевшее лицо. Может, он заметил, как мы его рассматривали?

– Привет, – отвечает он и поворачивается ко мне.

Его льдисто-голубые глаза никогда не перестают меня поражать. От них невозможно отвести взгляд, но все же мне чудится, будто Джейк каким-то образом узнает мои самые страшные тайны, пока мы смотрим друг на друга.

– Так и думал, что это ты, – говорит он. – Уже закончила предсказывать погоду на сегодня?

– Ого. Два фаната в один день, – улыбается Энн. – Ты посмотри!

Я фыркаю и подношу кофе к губам, забыв, что чашка уже пуста.

– Энн, это мой сосед.

– О. – Она испускает нервный смешок и отводит взгляд.

Джейк затихает. Я осознаю, что он смотрит на экран моего телефона, где все еще отображается список парней со всего мира с именем Лука Пичлер. Я быстро закрываю приложение, и Джейк снова переводит взгляд на меня.

– Я думал спросить, не хочешь ли ты со мной поужинать... Э-эм... Может, на этих выходных?

Его вопрос застает меня врасплох. Я не сразу понимаю, что он приглашает меня на свидание. Мы часто виделись в нашем доме и рядом с ним, но общались только дважды.

В первый раз – около полугода назад, когда он только въезжал и я придержала ему дверь, пока шла на улицу, а он заносил в подъезд коробку. Он сказал: «Спасибо», а я ответила ему: «Пожалуйста».

Второй раз случился около недели назад. Я спускалась проверить почту, а Джейк как раз поднимался. Остановился прямо передо мной, преграждая путь на лестницу, и спросил:

– Слушай, ты же девушка из прогноза погоды? Наоми Лайт?

¹ ¹ Здесь и далее: название социальной сети, принадлежащей Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

– Ну да, это я.

Я тогда засмузилась и бросила украдкой взгляд на бейджик с именем на его рабочей одежде, но так и не поняла, из какой он компании.

– Круто, – только и сказал он, отходя с дороги, и заторопился вверх по лестнице. Потом я видела его еще пару раз, но мы обменивались лишь вежливым кивком или улыбкой, а иногда вообще друг друга игнорировали.

Я осознаю, что прошла минута, а я все еще не ответила на вопрос.

– Д-да, конечно, – бормочу я. Голос у меня такой же нервный, как и у Джейка, когда он предлагал встречу.

– Отлично, – отвечает Джейк. И переводит взгляд на мою пустую чашку. – Угостить тебя еще одним кофе?

Это будет уже третья чашка за сегодня, но я невольно говорю:

– Д-да, конечно. – И сама морщусь, ведь точно так же я ответила на его последний вопрос. Я заставляю себя очнуться от ступора. – Вообще-то я как раз хотела уходить.

– Тогда возьми тебе кофе с собой.

Джейк разворачивается и идет к прилавку. Я с колотящимся сердцем наблюдаю за ним через плечо. Энн прокашливается, но я намеренно не обращаю на нее внимания. Все мое тело охвачено жаром, и щеки, скорее всего, тоже покраснелись под цвет моих волос. Когда я наконец смотрю на Энн, на ее лице царит широкая улыбка.

– Это было самое неловкое и самое восхитительное зрелище, которое я когда-либо видела, – говорит она.

– Тогда тебе нужно поднять планку и для неловкого, и для восхитительного. – Я убираю волосы с лица, пытаюсь успокоиться. – И что сейчас произошло вообще?

– У Наоми Лайт на выходных свидание с красавчиком, – растягивая слова, произносит Энн, чуть ли не пританцовывая на стуле. – И тебе даже не понадобилось приложение для знакомств. Что наденешь?

Я закатываю глаза, борясь с улыбкой.

– У меня в буквальном смысле не было времени об этом подумать.

– Ты не говорила, что у тебя есть такой горячий сосед. Всегда рассказывала только о шумном.

Я шикаю, а потом снова оборачиваюсь через плечо, чтобы убедиться, что Джейк нас не слышит. Он прикладывает карту к терминалу. Я возвращаюсь к Энн.

– Зачем мне описывать тебе всех соседей?

– Всех не надо, но... – Энн замолкает, поневоле переводя взгляд на Джейка. – Но этого описать явно стоило.

Джейк идет к нашему столику с новым стаканчиком кофе для меня. Мы с Энн встаем. Она наклоняется ко мне и шепчет:

– Ты обязана рассказать, если найдешь адрес Луки Пичлера. Я хочу знать, что будет дальше.

– Я скажу тебе первой.

Энн уходит, как только Джейк приближается к столику. Я благодарю его, и мы покидаем кафе.

– Я провожу тебя домой? – предлагает Джейк.

Я смеюсь, вскидывая взгляд на наш жилой дом прямо через дорогу.

– А что будешь делать, если я откажусь?

Он задумывается.

– Наверное, подожду десять секунд, а потом сконфуженно пойду за тобой.

– Ладно. Тогда можешь меня проводить.

Когда он улыбается, со мной что-то происходит. Я уже видела его улыбку, но, когда она адресована лично мне, у меня учащается пульс; кажется, через дорогу меня придется нести. Я заставляю себя отвести взгляд от лица Джейка, ведь только так я переживу прогулку до дома. Мой взгляд падает на его руки, и я представляю, как он несет меня и моя голова покоится на его мускулистой груди... Так, наверное, мне лучше вообще на него не смотреть. Я оглядываю улицу в надежде, что влияние, которое Джейк на меня оказывает, не слишком очевидно.

Мы ждем, пока проедут машины, и переходим дорогу. Даже не смотря на Джейка, я четко осознаю каждый его шаг, насколько далеко он от меня в каждый момент и каждый раз, как он смотрит в моем направлении. Я умудряюсь добраться до тротуара, не споткнувшись о собственные ноги. Джейк придерживает для меня дверь. Проходя мимо, я чувствую его одеколон – или это гель для душа, – смешанный с ароматом кофе в его руке. Я вдыхаю его запах, тратя эти мимолетные секунды на то, чтобы пройти мимо Джейка в коридор. И уже готова двинуться к лестнице, когда замечаю, что он заходит в лифт. Я колеблюсь. В прошлый раз лифт сломался и я застряла в нем на полчаса, прежде чем меня спасли пожарные. Другие жильцы говорили, что с тех пор его починили, и большинство людей в доме им пользуются, но я не рискую.

Джейк смотрит на меня с поднятыми бровями, и я поворачиваюсь от лестницы к лифту. Не буду говорить, что боюсь на нем ездить; пытаюсь сохранять хладнокровие. Джейк нажимает на кнопку, и двери открываются. Я делаю глубокий вдох и захожу туда вслед за ним.

– В чем дело? – спрашивает Джейк, нажимая на кнопку своего этажа.

– Ни в чем. – Я жму на кнопку третьего, не обращая внимания на то, что грохот сердца пульсирует у меня в ушах.

– Ты уверена? А то, похоже, ты боишься лифта.

– Не-а. Вовсе нет.

Джейк морщит лоб.

– Ты бледная, как призрак. У тебя клаустрофобия?

– Это у меня цвет кожи такой, – говорю я с натужным смешком. – Большое спасибо.

– Да брось. Мы можем пойти по лестнице.

Джейк тянется к кнопке, но нажимает, только когда лифт уже начинает подниматься. Лифт трясет, и кабина останавливается на полпути между холлом и вторым этажом.

Я невольно издаю звук, в котором смешиваются вздох и вскрик. И зажимаю рот свободной рукой.

– Упс. – Джейк снова жмет на кнопку, но это не помогает.

– Вот именно поэтому я не хотела ехать на лифте, – говорю я со стоном. – Со мной всегда такое случается.

– Ты уже застревала? – Глаза Джейка расширяются. – О. Так вот почему ты боялась. – Он смотрит на панель управления. – А я сделал только хуже, да?

Я прислоняюсь к стенке лифта и делаю глубокий вдох. Выпускаю воздух медленно, успокаиваясь. Достāju телефон из кармана, чтобы проверить сигнал, но знаю, что его не будет. Я провела без связи все те полчаса, что была заперта здесь в прошлый раз.

– Пожалуйста, скажи, что у тебя здесь ловит.

Джейк смотрит на свой телефон.

– Не-а. Прости.

Он осматривает панель управления и вновь жмет на кнопку. Раздается короткий гудок, и я узнаю голос охранника, который сидит в холле. Ну хотя бы кнопку «Помощь» починили с прошлого раза.

– Привет, Джоэл, – говорит Джейк. – Мы застряли в лифте.

– Там Наоми с тобой, да? – Голос через динамик звучит хрипло. – Похоже, не везет ей с этим лифтом.

– Ага.

– Я вызову помощь, – говорит Джоэл. – Держитесь.

Звонок обрывается, оставляя нас одних. Лифт теперь кажется еще тише. Жаль, никакая музыка не нарушает эту тишину.

Я смотрю вверх, прикидывая, не получится ли добраться до второго этажа, если отодвинуть потолочную панель и забраться на крышу лифта. В прошлый раз такого варианта не было, ведь я застревала одна, а не с таким высоким парнем. Наверняка я смогу подняться ему на плечи и...

– Ничего не получится, – говорит Джейк, прерывая мои мысли.

Я хмуро смотрю на него.

– Что не получится?

Он показывает на потолок своим стаканом с кофе.

– Ты не сможешь открыть двери, даже если дотянешься.

У меня отвисает челюсть.

– Я что, вслух это сказала?

Джейк смеется.

– Нет. Но я буквально по лицу прочитал, как формируется твой план.

– Я уверена, что смогу открыть двери. Я сильная.

– Может, и так, но это небезопасно. Что будет, если лифт начнет двигаться, пока ты там?

Я вздыхаю.

– Об этом я не подумала.

– Давай просто сидеть и ждать подмоги.

Я киваю. Я знаю, что он прав, но мне все равно тревожно. Не знаю почему, мне же сейчас никуда особо не надо.

– Ну хотя бы у нас есть кофе, – говорит Джейк.

– И мы сами, – добавляю я. – В прошлый раз я застряла тут одна. Думала, что сойду с ума.

– С тобой все будет хорошо? Ты ведь не начнешь часто дышать и кричать?

Я меряю шагами нашу маленькую тюрьму.

– Все будет хорошо, если нас скоро вытащат.

– Наверняка все быстро починят. Я всего лишь нажал на кнопку.

Я чувствую, как мной снова овладевает паника. И делаю еще один глубокий вдох, чтобы привести себя в чувство.

– А что ты делала, когда застряла тут в прошлый раз?

Какой-то миг я думаю над ответом.

– Первые десять минут пыталась поймать сигнал на телефоне. Потом молотила кулаками в дверь и звала на помощь, пока горло не заболело. В один момент отбросила все попытки выбраться и пыталась решить, какую конечность придется съесть, чтобы выжить, когда пожарные наконец-то отжали двери.

На лбу Джейка появляются тревожные морщинки, но в уголке рта таится улыбка, как будто он не уверен, стоит ли смеяться над моим несчастьем.

– Мрачное было время, – добавляю я. – Я едва выбралась живой.

– Звучит сурово, – говорит Джейк, все еще подавляя улыбку. – Думаю, тебе будет приятно знать: вряд ли сегодня кому-то из нас придется прибегнуть к каннибализму.

– Это замечательно, что ты так думаешь, но я пока не готова вычеркивать эту возможность.

Джейк фыркает.

– Ясно. Напомни мне никогда не ходить с тобой в походы.

От одной мысли про поход с ним меня бросает в жар. Я оттягиваю блузку снизу, чтобы охладиться.

– Походы я выдержу. В глуши нет лифтов.

Джейк опускает взгляд на мой живот. Я понимаю, что держу блузку так, будто вот-вот ее сниму. И резко отпускаю ткань, быстро заправляя ее и прокашливаясь. Джейк отворачивается, но я замечаю, как у него розовеют уши.

– Поверить не могу, что я все это время не ездила на лифте, чтобы снова в нем застрять.

– Ты что, правда с тех пор сюда не заходила?

Я качаю головой.

– Теперь предпочитаю ходить по лестнице.

Джейк смотрит на кнопку третьего этажа, которая все еще светится.

– Два пролета ступенек дважды в день? И не надоедает?

Я пожимаю плечами и обвожу рукой лифт:

– Мне кажется, вот это мне надоест гораздо быстрее.

– И правда, – говорит Джейк. – Я слышал, что довольно-таки невыносим.

Я шлепаю его по руке.

– Я не это имела в виду.

– Ай! – Он отдергивает руку, как будто ему больно. Я смеюсь.

– Это было не больно.

– Нет, больно. Ты сильнее, чем кажешься. – Он указывает на двери лифта. – Наверняка ты сможешь их отжать.

Я закатываю глаза. Отдаю Джейку стакан с кофе, подхожу к дверям и пытаюсь их разомкнуть. Я уже знаю, что не получится: в прошлый раз пыталась.

– Не-а, – говорю я, забирая свой напиток. – Видимо, надо чаще ходить в качалку.

– Не. Не нужна тебе качалка. Просто каждый день ходи вверх по лестнице на руках. И тогда быстро станешь сильной.

Я чуть не выплевываю кофе, фыркая.

– Вот на это я бы посмотрела! – Проверяю время на телефоне. – Ох. Сколько уже прошло?

Я вновь делаю глоток кофе и тут же жалею об этом, потому что мне хочется в туалет, а еще больше жидкости в организме – плохая идея. Я опускаюсь на пол и скрещиваю ноги. Джейк садится рядом, отчего мне приходится вдохнуть сквозь зубы. От близости к нему я забываю, насколько ненавижу лифт, пусть даже и на минуту.

Замечаю, что он кажется спокойным, как будто не хочет выбраться отсюда так, как я.

– Итак, – говорит Джейк. Я поворачиваюсь к нему и жду продолжения. Уголок его рта дергается вверх. Я отвожу взгляд от его губ и смотрю в глаза, устремленные на меня. У меня перехватывает дыхание. – Я слышал, как ты и твоя подруга говорили обо мне.

У меня вспыхивает лицо, как только я вспоминаю все слова Энн. Мне страшно узнать, сколько он услышал, но я должна спросить.

– Что именно ты слышал?

Джейк улыбается.

– Что у тебя шумный сосед.

Очень хочется спрятаться. Если он слышал это, то все остальное – тем более.

– Можно твой телефон? – просит Джейк. Я передаю ему гаджет.

– Зачем?

– Чтобы я вбил свой номер.

Джейк начинает печатать. Я заглядываю через плечо и закатываю глаза: он записал себя как Горячий сосед.

– А ты немного самонадеянный, да?

Джейк пожимает плечами и возвращает мне телефон.

– Просто принимаю выданный мне титул.

Я шлю ему сообщение, и, к моему удивлению, оно доходит, несмотря на ужасную связь в лифте.

– Вот. Теперь у тебя тоже есть мой номер.

Я наблюдаю за его реакцией, когда сообщение всплывает на экране. Джейк даже не пытается скрыть улыбку.

– И как ты его сохранишь? Странная девушка из лифта?

Джейк смеется.

– Ни за что.

Я подглядываю, пока он набирает: «Милая девушка из прогноза погоды», чтобы добавить мой номер в контакты. Чувствую, как уголки моего рта невольно поднимаются в улыбке, несмотря на краснеющее лицо.

– Милая, да? – поддразниваю я Джейка. – Сколько еще девушек из прогноза погоды ты знаешь?

– Много. Ты удивишься, но мне даже пришлось придумать систему нумерации для всех среднестатистических девушек из прогноза погоды в моем телефоне.

Я снова прислоняюсь к стенке.

– Я даже разочарована, что не одна из них. «Среднестатистическая девушка из прогноза погоды номер семь» – приятно звучит.

Джейк качает головой и машет телефоном.

– Не-а. Это имя тебе больше подходит.

Лифт содрогается, пугая меня, а потом начинает подниматься.

– О, слава богу.

Мы оба встаем, как раз когда двери открываются на третьем этаже. Я выхожу в коридор. Джейк придерживает ладонью створку, чтобы двери не закрылись раньше времени.

– Надо будет как-нибудь повторить, – говорит он.

Меня передергивает, когда я смотрю в кабину лифта:

– Ни за что.

Джейк корчит плаксивую гримасу.

– Так и быть, я позволю тебе отвести меня на ужин, но если там не будет лифтов.

Он улыбается.

– Идет.

Зайдя в квартиру, я продолжаю искать Луку Пичлера на фейсбуке[♦]. Пытаюсь сузить поиск до всех городов, где он точно жил, начиная с Сан-Диего, откуда приходили его первые и последние письма перед исчезновением. Нет результатов. Пробую следующий город, и еще один, но мне не везет. Похоже, все Луки Пичлеры, выпавшие мне изначально, живут за пределами Соединенных Штатов. Я начинаю проверять их профили, ведь возможно же, что он уехал из страны, но многообещающих вариантов там нет.

Сверху начинают топтать. Я слышу, как мой сосед что-то тащит – или катит? – а потом с другой стороны комнаты раздается дикий грохот. Я втягиваю голову в плечи, будто звук идет из моей квартиры, а потом закрываю глаза – и на себя, и на шумного соседа. Такое ощущение, что там аллея для боулинга, а не квартира. Я включаю музыку, чтобы заглушить громохание.

Несмотря на этого соседа и печально известный лифт, живется мне тут неплохо. Это одно из лучших жилых зданий в моем районе Майами. У нас нет швейцара, зато есть Джоэл, охранник. Иногда ему скучно – даже не иногда, а часто, – и он любит придерживать дверь для жильцов. Джоэл работает здесь так давно, что помнит всех нас по именам. Один из немногих моментов, по которым я буду скучать, когда куплю свой дом и перееду отсюда.

Я готовлю себе обед, а пока ем, мой телефон вибрирует. Я беру его и смотрю на экран, надеясь увидеть сообщение от Джейка, но это не он. Всего лишь Энн. Прислала ссылку на базу данных PeopleFinder, где можно поискать Луку Пичлера.

Энн. Надо заплатить, чтобы получить доступ к его адресу и прочему.

Я кликаю на ссылку и вбиваю имя в строку поиска. В результатах – несколько разных мужчин, но бесплатная версия сайта показывает только их возраст и город. Пока результаты меня не устраивают. Одному из мужчин за пятьдесят, второму – едва за двадцать, а последнему в списке – ближе к восьмидесяти. Или моего Луки Пичлера в этом списке нет, или кто-то неправильно вбил его возраст. Я все равно решаю заплатить за членство. Всегда можно отменить, когда я получу все, что мне нужно.

Оплата проходит, страница перезагружается, на сей раз – с полной информацией. Оказывается, дряхлый Лука Пичлер живет в доме престарелых в Сиэтле. Лука Пичлер за пятьдесят живет со своей женой, тестем, тещей и шестью детьми в Род-Айленде. Молодой Лука Пичлер живет в доме инвалидов. Я вздыхаю. Все это малообещающе. Теперь я лишилась двадцати баксов, а меня саму, возможно, продали на аукционе.

Наоми. Не повезло. Если бы не сегодняшнее письмо, могла бы предположить, что Лука мертв.

Энн. Странно. А вдруг его родители все еще живут в старом доме? У тебя есть тот адрес из вашего детства?

Хорошая идея, я думала об этом до того, как Энн прислала ссылку на сайт. Я иду в спальню и достаю из шкафа коробку для обуви. Самые свежие письма лежат сверху, а самые первые – снизу. Я писала обратный адрес Луки на обороте каждого послания, чтобы всегда знать, куда слать следующее, если вдруг выкину конверт.

Я фотографирую адрес в Сан-Диего и уже готова убрать письма, когда мне в голову приходит мысль. Я пролистываю их, останавливаясь на каждом, где есть новые адреса, и делаю снимки. Первые восемь лет все конверты приходили с того же адреса в Сан-Диего. А после этого – со всей страны. Лука часто переезжал, но всегда присылал мне новый адрес – до последнего раза.

Я знаю, что он вряд ли вернулся на какой-нибудь из старых адресов, но с этого можно начать. Хоть кто-то где-нибудь должен знать, где сейчас Лука.

Я уже выпила две кружки кофе, когда Энн приходит в студию с третьей. Я смотрю на данные спутника и радара, готовясь к прогнозу погоды на сегодня, когда она ставит рядом со мной дымящуюся чашку.

– Спасибо.

Не отрывая глаз от экрана, я тянусь за горячим напитком и делаю глоток. Слышу, как Энн пододвигает ко мне стул и садится.

– А нормальной работы у тебя нет? Или Патрик приказал проследить, чтобы я выпила всю чашку?

– Мне стало любопытно, выследила ли ты своего бумажного врага.

– Кого?

– Бумажного врага, – повторяет она. – Поняла? Как бумажный друг – друг по переписке, но ведь он твой враг, поэтому бумажный враг.

– Умно. – Я все еще не смотрю на нее. Только на экран. У меня осталось десять минут до выхода в эфир. – Я уже сказала, что не нашла его на PeopleFinder. И близка к поездке в Сан-Диего. Не знаю, как его еще выследить.

– У тебя уже перерыв, Аннет?

Мы обе поворачиваемся: в комнату неторопливо входит Патрик с пачкой документов в руках. Он всегда носит по станции одни и те же бумажки, когда хочет изобразить бурную деятельность. А еще он никогда не называет Энн настоящим именем, но, видимо, «Аннет» достаточно, чтобы все понимали, с кем он говорит.

– Я просто принесла Наоми кофе, – произносит Энн.

– Я и не знал, что, когда приносишь кофе, надо садиться.

Я поворачиваюсь к компьютеру, закатывая глаза. Энн быстро бормочет извинения и исчезает. Как обычно, ее туфли не издадут ни звука, касаясь ковра. Патрик смотрит ей вслед, а потом поворачивается ко мне:

– Я хотел сказать, что ты отлично работаешь, Наоми.

Он один из тех, кто произносит мое имя как «Най-оми», пусть я и поправляла его бесчисленное множество раз. Мне уже даже плевать, но вот интересно, замечает ли он, что больше никто на станции так не говорит?

– Спасибо, Патрик. Мне очень приятно.

– Ты просто эфирный самородок, – продолжает он. – Твои графики впечатляют, да и прогнозы очень точные. Отличная работа. Эммануэль бы тобой гордился.

– О. Спасибо. А вы не знали, что последнее время именно я готовила все графики для Эммануэля? На самом деле он года два до пенсии вообще ни разу не смотрел на радар.

– Ты здесь уже так долго? – удивляется Патрик. – Ха. А мне казалось, не так давно.

– Ага. Два года промчались незаметно.

Его лицо заливается краской, и он смущенно комкает в руках страницы. Я улыбаюсь, чтобы хоть как-то сгладить ситуацию. Патрик уходит, и вскоре возвращается Энн. Я пытаюсь ее выгнать, предупреждая:

– У тебя будут неприятности.

Она закатывает глаза.

– И что он сделает? Уволит меня?

– Возможно.

Энн смеется.

– Расскажи мне про Сан-Диего.

Я не сразу вспоминаю, о чем мы говорили, до того как Патрик нам помешал.

– Оттуда приходили первые и последние письма Луки. Могу только предположить, что он еще там.

– Он видел твой прогноз погоды.

– И что? Его можно посмотреть откуда угодно. Не всегда надо жить где-то, чтобы подключаться к местным станциям.

– И что ты будешь делать?

– Ждать, пока он не пришлет еще одно письмо. Надеюсь, в следующий раз он укажет обратный адрес.

– А если следующего раза не будет?

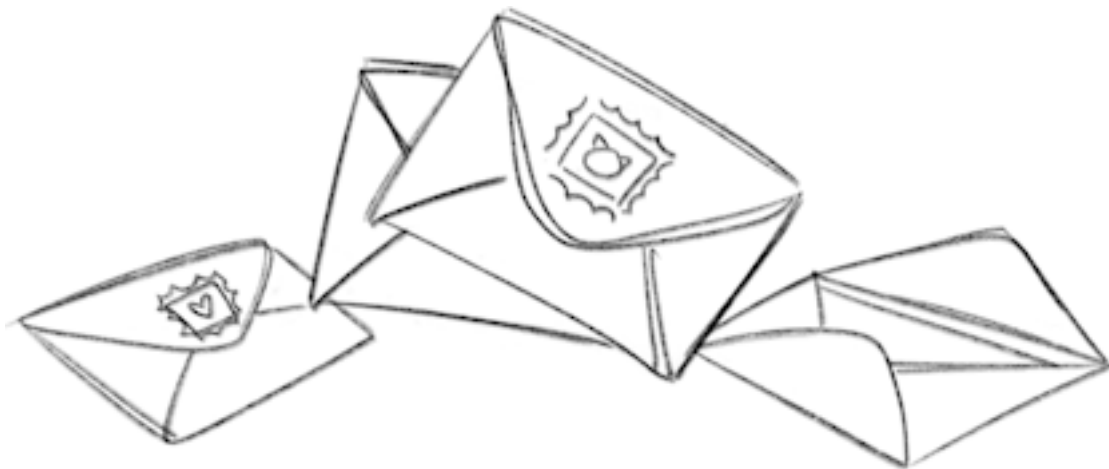
Помимо двухлетнего перерыва не проходило и месяца, чтобы я не получала весточки от Луки. Сейчас разница только в том, что я не могу написать ответ. Интересно, он специально не оставил обратный адрес? Наверняка. Может, хочет надо мной поиздеваться. Или не хочет, чтобы его жена узнала, что он снова мне пишет. Думаю, именно из-за нее он не писал мне два года. Я не виню ее, если она прочла мое последнее письмо – последнее перед тем, как почтовая служба начала возвращать мне конверты. Я бы ощутила те же чувства, что и эта женщина,

если бы прочла нечто подобное. До отправки и молчания Луки в ответ я и не думала, что это письмо мог прочитать кто-то другой. И даже сотня вернувшихся писем не смогла бы ничего исправить. Последние два года я ощущала, будто во мне чего-то не хватает. Теперь эта частичка вернулась, но надолго ли? Лука не прислал бы письмо без обратного адреса через два года, если бы не намеревался продолжать.

– Он отправит еще одно, – говорю я.

И я в этом уверена.

Глава четвертая. Беда с заусенцем

Лука

Многое изменилось за три года между пятым классом и концом восьмого. Летом перед шестым классом я впервые поцеловался. С тех пор у меня было уже семь подружек. Когда я был в седьмом классе, мама с папой принесли в дом щенка. Я назвал его Рокки, и он стал моим лучшим другом. Я превратился из тощего ученика младших классов в того, кого старшая кузина Наоми называла красавчиком-старшеклассником – как мне казалось. Еще тогда, в пятом классе, я долго и пристально вглядывался в зеркало и пришел к выводу, что Наоми может быть права. Я был тощим и ничего не сделал, чтобы получить тот пресс, которым так гордился. Тем летом папа купил кое-какие спортивные снаряды, установил их в гараже, и мы начали тренироваться вместе.

Но многое осталось прежним. Мы с Беном каждый день ездили в школу на великах, и почти все уроки у нас были общими. Я все еще жил в том же доме, в том же городе. Иногда выходил на улицу, вдыхал соленый запах океана, думал про Наоми и улыбался, зная, что она завидует мне. Мы до сих пор обменивались письмами. Я столько всего мог сказать ей за те три года, что мы общались, и все же в том, что мы писали, не было чего-то существенного.

Вместо этого переписка превратилась в соревнование – кто кого превзойдет. Мы не всегда грубили. Иногда я понимал, что ей становится скучно писать мне, и тогда ее письма оказывались самой неинтересной ерундой, какую я когда-либо читал. Когда она так делала, я всегда отвечал ей в равной степени или – как я надеялся – еще более занудным посланием.

Дорогой Лука.

Я проснулась сегодня утром. Почистила зубы. Сходила в школу. Сделала домашку. Пошла спать. В перерывах ела еду.

Чмоки-чмоки,

Наоми

Дорогая Наоми.

Я забыл поднять стульчак, когда писал, и немножко попал прямо на него. Я не стал вытирать.

*Чмоки-чмоки,
Лука*

Только мои родители знали, что я все еще пишу Наоми. Мама умилялась, но только потому, что она никогда не читала ни одного письма. Папа же не делился своим мнением на этот счет. Бен спросил про Наоми всего раз: когда мы начали пользоваться домашним адресом, а не школьным. Я пожал плечами и притворился, что не помню, о чем он вообще говорит.

Однажды утром, по дороге в школу, я сунул свежий конверт от Наоми в рюкзак. Это была последняя неделя восьмого класса. За день до этого мама забыла проверить почту, а мне было интересно, не получил ли я письмо, и я залез в почтовый ящик, выходя из дома. Когда я прятал в рюкзак нераспечатанный конверт, подъехал Бен и заметил его.

– Что это? – спросил он.

– Ничего.

Я застегнул рюкзак, закинул его на спину и сел на велик. По пути в школу мы с Беном оба молчали. Казалось, он всегда знал, если я не в настроении болтать. В то утро я был уставшим. Не спал всю ночь, пытаюсь перекрыть ругань родителей гремющей в наушниках музыкой. Я умудрился приглушить их голоса, но все еще чувствовал вибрацию от стен, когда они хлопали дверьми, ходя по дому и ругаясь во всех комнатах, кроме моей.

Когда мы были в квартале от школы, я налег на педали, обгоняя Бена. Его велосипед был лучше моего, и он быстро меня догнал. Мы закрепили наши велики у стойки напротив входа в школу и пошли внутрь.

– Это тебе табель пришел? – спросил Бен.

– Что?

– Письмо, которое ты сунул в рюкзак.

Я нахмурился.

– Табели еще не выпускали.

– Тогда что это? Чего это ты скрываешь?

– Я не скрываю. Это просто не твое дело.

– Это от той девчонки, да?

Я повернулся и посмотрел на него.

– Нет. Какой девчонки?

Он закатил глаза.

– От твоей подружки по переписке с уроков миссис Мартин. Ты так и не перестал ей писать, да?

– Как ты вообще запоминаешь такую ерунду? И нет, я больше не пишу ей.

Я чувствовал, как у меня начинает гореть лицо. Я и не догадывался, как легко меня прочесть.

– Фигня, – отмахнулся Бен. – Я спрашивал тебя в прошлом году, а ты притворился, что не понимаешь, о чем это я. – Потом, чересчур передразнивая меня, он сказал: – Э-ы... ы-ы... кто?

– Я так не разговариваю.

– Ты отвратительно врешь, Лука. Я знаю, что ты все еще ей пишешь. Она твоя подружка или что?

Мое лицо покраснело еще больше.

– Нет. Она мне не подружка. Просто никак не перестанет писать мне. А еще она противная.

– Серьезно? Тогда почему ты все еще ей отвечаешь?

Честно говоря, я просто не хотел, чтобы за Наоми осталось последнее слово, но Бену не стоило знать, насколько я мелочен. Поэтому я лишь пожал плечами.

– Просто так. Зато есть чем заняться.

Мы притормозили, добравшись до нашего класса. Бен встал в дверях.

– Что в ее письме?

– Не знаю. Я еще не смотрел.

Он поднял брови, призывая меня открыть письмо. Я вздохнул, стянул рюкзак и вытащил конверт. Вскрыл его и прочитал Бену вслух.

Дорогой Лука.

Надеюсь, ты проснешься сегодня утром с маленьким заусенцем, а когда потянешь за него, он станет больше и причинит тебе боль. Надеюсь, он будет так сильно беспокоить тебя, что ты не прекратишь его ковырять, пока он не поддастся, и в итоге ты оторвешь со своего пальца очень длинный кусок кожи. А потом, я надеюсь, туда попадет инфекция, и единственным спасением будет ампутировать тебе всю руку.

Это правда сделает мой день лучше.

С любовью,

Наоми

Бен пялился на меня широко распахнутыми глазами. Несколько учеников собрались вокруг, ожидая, когда мы пропустим их в класс.

– Ты дверь перегородил, – напомнил я Бену. Он вошел, и я последовал за ним к задним партам.

– Почему она такое написала? – спросил он, когда мы оба сели на свои места. – Это же... – Он сцепил пальцы, как будто чувствовал фантомную боль от заусенца после письма Наоми. – Просто ужас какой-то.

– Она умеет управлять словами.

Я затолкал письмо обратно в открытый конверт и засунул в рюкзак.

– Она всегда пишет «с любовью, Наоми» в конце?

– Иногда. А что?

– Просто как-то странно заканчивать письмо словами «с любовью», когда написал что-то настолько неприятное.

– Я никогда особо не думал об этом.

Но вообще я думал об этом каждый раз, когда читал ее послания. Обычно я копировал фразу, которой она заканчивала письмо, лишь иногда сочинял что-то другое.

– Что напишешь в ответ? – спросил Бен.

– Пока не знаю.

Я слишком устал, чтобы придумывать что-то творческое, но и не мог ответить на подобное письмо чем-то скучным.

– Лука. Бен. – Мы оба взглянули на учителя, который уже успел начать урок, пока мы отвлеклись на письмо. – Не желаете присоединиться к нам?

Бен промямлил извинение, и я выпрямился на своем месте. Больше в тот день ничего особенного не происходило. Всю оставшуюся неделю нам предстояло писать контрольные, так что большинство учителей заставляли нас повторять то, что мы учили весь предыдущий год.

Когда вечером я ехал на велике домой, мои мысли вращались вокруг письма Наоми в рюкзаке. Я еще не решил, что написать ей в ответ. Мне казалось, ничего не переплюнет ее письмо про заусенец. В недостатке воображения я винил стресс от предстоящих экзаменов. И надеялся, что придумаю что-нибудь получше, когда учеба закончится.

Вернувшись из школы в тот день, я удивился, увидев мамину машину возле гаража. Обычно она возвращалась домой после пяти. Я оставил велосипед во дворе и пошел в дом. Мама сидела за кухонным столом, внимательно читая какой-то документ. Ее глаза были красными.

– Что случилось?

Мама, вздрогнув, посмотрела на меня. Кажется, она не услышала, как я вошел. Она сложила листы бумаги в стопку и засунула их в большой желтый конверт.

– Ничего, милый. Все в порядке.

Она меня не убедила.

– Похоже, ты плакала.

– Просто зевнула перед тем, как ты вошел. Из-за этого и глаза заслезились. – Мама выдавила улыбку.

Ее глаза были слишком влажными и опухшими для простого зевка, но я решил не приставать. Стащил с плеч рюкзак и бросил его на пол.

– Домашнее задание? – спросила мама.

Я покачал головой.

– У нас экзамены на этой неделе.

– Тогда отнеси рюкзак в свою комнату.

Я сделал, как она просила, а когда вернулся на кухню, конверта на столе уже не было. Мама стояла у раковины, помешивая чай в кружке.

– Что на ужин? – спросил я.

Она обернулась и улыбнулась мне.

– Мы закажем пиццу.

– Но сегодня не пятница, – нахмурился я.

– Сделаем исключение, – сказала мама. – Можем взять любую начинку, какую захочешь.

– А как же папа?

Папа обычно не позволял выбирать начинку. Мы заказывали то, что хотел он.

– Папа сегодня вечером не вернется. – При этих словах она отвернулась.

– О... Почему?

Она пожала плечами, заставила себя взглянуть на меня и сложить непослушные губы в улыбку.

– Он уехал по работе. Может, его не будет пару дней.

Я понял: что-то не так. Папа никогда раньше не «уезжал по работе» так, чтобы не возвращаться домой. Еще и мама вела себя странно. Я раньше не видел, чтобы она так притворялась, будто все в порядке, когда покрасневшие глаза говорили совсем о другом. Она взяла телефон и протянула его мне.

– Хочешь сам заказать пиццу?

– Конечно, – сказал я, забирая его, и мама пошла по своим делам. Я с минуту смотрел на телефон, а потом повернулся к ней, выходящей из кухни.

– Мама?

Она застыла, медленно повернулась и посмотрела на меня, обеспокоенно нахмурившись. Я хотел бы надавить на нее, чтобы она рассказала мне правду, но под таким взглядом не мог заставить себя это сделать.

– Можно я закажу себе шипучки? – спросил я вместо этого.

– Конечно, милый. Заказывай что хочешь. Сегодня твой вечер.

Папа не вернулся домой ни на следующий вечер, ни на следующий после него. Я мог позволить себе отвлекаться на то, что его нет, но решил сосредоточиться на учебе и тщательной подготовке к экзаменам. Письмо Наоми было последним, что меня интересовало. Я почти

забыл про него, пока не разобрал рюкзак после окончания восьмого класса. Я был разочарован, что папа не приезжал, но, кажется, меня это не сильно удивляло. Я знал: что-то происходит. Просто хотел бы, чтобы мама сказала мне об этом прямо.

Когда я нашел письмо, то сидел на кровати, а Рокки устроился у моих ног. Он был большим псом и занимал почти все пространство на полу между кроватью и стеной. Я вытащил письмо из конверта и перечитал его. Сейчас казалось бессмысленным придумывать что-то грубое в ответ. У меня не осталось сил на то, чтобы писать Наоми. Я был в ужасном настроении. Какая ирония: в пятом классе эта переписка началась из-за моего дурного настроения в тот день, а теперь я мог поддержать ее грубостями, только когда был счастлив.

И тут ко мне легонько постучали. Я отложил письмо на тумбочку и сказал:

– Войдите.

Дверь открылась. Я удивился, когда в мою комнату вошел папа. На секунду я подумал, что все мои страхи и сомнения были необоснованными, что он правда был в командировке последние несколько дней и потому не появлялся дома. Я решил: может быть, он зашел извиниться за то, что пропустил конец учебного года, и теперь мы пойдем поужинаем всей семьей. Я отказался от приглашения на праздник у Бена в надежде, что папа вечером придет домой. Теперь я был рад, что не пошел туда.

Но потом я увидел папино выражение лица. Брови были нахмурены, рот изгибался уголками вниз. Он сунул руки в карманы. Все мои заготовленные приветствия умерли, не успев сорваться с губ.

Папа присел на край моей кровати и около минуты тупо смотрел в пол. Рокки потянулся, встал и подошел к нему, виляя хвостом, но папа даже не взглянул на пса. Я смотрел и ждал, пока он скажет то, ради чего вернулся. Прошло какое-то время, прежде чем он наконец вымолвил:

– Твоя мама сказала, что нам с тобой надо поговорить.

– О чем?

– О том, что происходит.

Я хотел заметить, что даже мама не говорила со мной о том, что происходит, но испугался, что тогда он передумает и тоже не захочет говорить. Он вздохнул и продолжил:

– Мы с твоей мамой разводимся. Я хочу, чтобы ты знал: это не имеет к тебе отношения. Мы с твоей мамой... У нас просто больше не получается. Мы подумали, что будет лучше, если мы разойдемся, так что я... получил работу в Монтане. Я вернулся за вещами и сегодня вечером уеду.

У меня задрожали губы, и я их сжал. Папа всегда говорил, что мальчики не плачут, и пусть даже я злился на него, мне не хотелось его разочаровывать.

– А что будет со мной? – спросил я.

– Ты останешься здесь, с мамой.

Я несколько секунд подумал об этом.

– Почему я не могу поехать с тобой?

– Ты нужен маме здесь.

– Ты вернешься?

Папа молчал так долго, что я понял ответ еще до того, как он вновь заговорил.

– Нет.

– Почему?

– Думаю, будет лучше, если это будет полный разрыв. Мы с твоей мамой... Я вообще не собирался возвращаться, но мне понадобились кое-какие вещи. Ты знаешь, я не очень хорошо умею прощаться.

До меня дошло, что за все время с тех пор, как папа сел на мою кровать, он ни разу не взглянул на меня. Он так и не посмотрел на меня, когда снова встал и вышел из комнаты.

Рокки последовал за ним в коридор, помахивая хвостом, хотя на него и не обращали внимания. Я позавидовал псу, который так блаженно не понимал того, как моему отцу наплевать. Услышав хлопок входной двери, я понял, что все кончено. Моя мать собрала ему чемодан, чтобы он не задержался здесь дольше, чем требовалось, чтобы сказать мне: он больше не часть нашей семьи. До утра я заперся в спальне.

Я был зол. В основном на папу, но и на маму тоже – за то, что она дала ему вот так уйти. Я мог бы сказать много жестоких слов, но знал, что ей тоже больно, и не хотел сделать хуже. Я не мог позвонить Бену, потому что он тусовался на празднике. И вообще, я не был уверен, что хочу ему звонить. Я посмотрел на письмо Наоми на тумбочке. Фразы про заусенец казались такими детскими, глупыми, неуместными. С другой стороны, в наших письмах никогда не было чего-то существенного. Мы писали друг другу уже почти четыре года, и все это было мелко, грубо, скучно и бестолково.

Я гадал, ждет ли она этих глупых писем, как ждал я. Гадал, будет ли ей больно, если я перестану отвечать. Гадал, утешит ли она меня, если я ей раскроюсь, или только посмеется надо мной за то, что я груб и скучен, и больше ничего.

Дорогая Наоми.

Надеюсь, в какой-то момент в твоей жизни будет кто-то, кого ты будешь любить и уважать больше всего, – если такого еще нет. Надеюсь, ты будешь верить, что этот человек всегда будет рядом и что ты всегда сможешь поделиться с ним чем угодно. А потом я надеюсь, что однажды он уйдет и даже не даст тебе выбора пойти с ним. И даже не посмотрит тебе в глаза, когда будет говорить о своем уходе. Он не скажет тебе, что любит тебя, и даже не попрощается. Наверное, он никогда не любил тебя по-настоящему, и ему не нужно прощаться, потому что все это была лишь игра, и ты сама дура, что доверилась ему.

У тебя будет с ним куча хороших воспоминаний, но он просто насрет на них. И ты не сможешь вспомнить ничего приятного, не думая о том, как он ушел, как даже не взглянул на тебя и не сказал, что любит. Потому что ты такой дерьмовый человек, что не заслуживаешь настоящего прощания. И ты останешься гадать до конца жизни, правда ли тебя действительно любят те, кто утверждает это, или все вокруг ложь, и они однажды уйдут, как ушел он.

Не удивляйся, если я больше не буду писать тебе писем. Это глупо.

Пока.

Лука

Дорогой Лука.

Ты, наверное, уже в десятый раз говоришь, что больше не будешь мне писать, так что я, наверное, тебе не поверю. Но на случай, если я и правда больше не получу от тебя письма, хочу, чтобы ты знал: если бы кто-то поступил так со мной, это бы значило, что он дерьмовый человек и он меня не заслуживает. А вовсе не наоборот. И если бы я увидела, что кто-то так обращается с моими друзьями, я бы дала ему по яйцам.

С любовью,

Наоми

Глава пятая. В поисках пляжей получше

Наоми

– Ты была права!

Энн снова меня пугает, но когда я оборачиваюсь, то по улыбке на лице понимаю: она делает это намеренно.

– Тебе нужно купить не такие бесшумные туфли, пока никто не заработал инфаркт. В чем я была права?

Она бросает мне на стол невскрытый конверт. Прошло три дня с тех пор, как мы получили первый.

– Ты сказала, что он пришлет еще одно письмо. И была права.

– Не ожидала так рано.

Я беру конверт и ощущаю укол разочарования: обратного адреса по-прежнему нет. Вскрываю.

Дорогая Наоми.

Представляю, как тебя бесит, что ты не можешь написать ответ. Тебе всегда надо было оставлять за собой последнее слово, так ведь? Может, если бы ты приняла мое приглашение, ты бы сейчас не гадала, как же отправить мне письмо. Ну что ж. Сама виновата.

С любовью,

Лука

Энн читает письмо через мое плечо. Дойдя до конца, поднимает бровь:

– «С любовью»?

– Так он заканчивал каждое письмо. Ну почти каждое. Наверняка это просто ирония.

– В предыдущем он так не писал, – замечает Энн. – Может, он больше не пытается быть саркастичным. Ты ведь сколько лет ему писала.

– Он женат.

Я понимаю, что раньше не говорила этого вслух. Фраза срывается с моего языка, но есть ощущение, будто ее произносит кто-то другой. Эти два слова эхом отзываются у меня в голове, даже когда Энн продолжает разговор:

– Но это не мешало ему писать тебе.

– Вообще-то мне кажется, именно поэтому он и прекратил.

– Может, он развелся.

Не знаю, почему мысль о том, что Лука сейчас один, заставляет мое сердце биться чаще. Возможно, потому что тогда он снова будет мне писать. Я натягиваю на лицо улыбку, чтобы Энн не заметила, какой ураган бушует у меня внутри.

– Ура! Вот мне повезло.

Энн с улыбкой закатывает глаза.

– А что он имеет в виду под приглашением?

– Точно не знаю. Лука подначивал меня встретиться пару раз за эти годы, но всегда в качестве тупой шутки. Еще он спрашивал, можем ли мы стать друзьями на фейсбуке[◇], но я отказалась. Может, он об этом.

– Он тебя дразнит. Наверняка хочет, чтобы ты узнала его адрес и написала ответ.

– И как мне это сделать? Он ведь должен догадываться, что я попытаюсь найти его после прошлого письма. Наверное, перед этим он удалил страничку на фейсбуке[◇].

– А как же дом его детства? У тебя ведь до сих пор есть этот адрес?

Я качаю головой.

– Ничего не выйдет. Я проверяла на том сайте, что ты прислала. Теперь там живет другая семья.

– Может, рядом живет кто-то из его старых соседей. Если кто-то на той улице близко общался с его семьей, они могут знать, как его найти.

– И что мне сделать? Послать письмо в каждый дом на той улице и ждать, не напишет ли кто ответ?

– Это один из вариантов.

– Это единственный вариант, – поправляю я.

– Ну...

– Что «ну»?

– Можно прийти лично и спросить.

Я смеюсь.

– Это в Сан-Диего, Энн. Между нашими городами несколько тысяч километров.

Энн поджимает губы.

– Я всегда хотела поехать в Сан-Диего.

Я хмурюсь.

– Почему?

– Я слышала, у них пляжи лучше.

– Seriously?

Энн пожимает плечами.

– Просто хочу узнать, правда ли это.

– Я не собираюсь гнать машину всю дорогу до Калифорнии, чтобы узнать адрес старого друга по переписке. Прости, бумажного врага.

Похоже, Энн ошарашена.

– Машину? Кто говорил про машину? Можно вылететь сегодня вечером и вернуться до конца выходных.

Одна мысль о полетах меня нервирует, но я не хочу говорить об этом Энн.

– Дорого выйдет.

– Спорим, что не настолько? Или у тебя есть занятие получше на выходных?

– У меня свидание с горячим соседом.

– А, точно! Совсем забыла. Куда собираетесь?

Я пожимаю плечами.

– Не знаю. Мы об этом не говорили.

– Вы живете в одном доме.

Я вспоминаю, как мы вместе застряли в лифте. После этого я думала послать ему сообщение, но струсил. Интересно, ждет ли он следующего хода, или его напугало мое поведение в лифте?

– Может, мне все отменить? Разве не будет странно, если свидание пройдет плохо, а мы все равно еще месяц будем сталкиваться в холле?

– Во-первых, это очень глупый повод для того, чтобы слиться. А во-вторых, в следующем месяце ты покупаешь дом. Так что сталкиваться с соседом ты будешь совсем недолго!

Я встаю и собираю вещи, чтобы пойти домой. У Энн тоже закончилась смена, и мы вместе направляемся к выходу.

– Тебе бы узнать подробности про свидание, – говорит она, когда мы выходим к парковке.

– Да, наверное.

– Или...

– Или что?

– Или можно отложить до следующих выходных.

– Тебе правда так хочется в Сан-Диего?

– Будет весело. И мне нужен повод куда-то поехать и заняться чем-нибудь интересным на выходных. А то у меня в планах только встречи с мужчинами лишь из-за того, что мы оба свайпнули вправо в тиндере, хотя у нас даже нет никакой химии. Мне бы не помешал девичник.

Я вздыхаю. Последние два года я пыталась выкинуть Луку из головы, а теперь он вернулся – и сразу в главной роли. Вот уж не думала, что будет так сложно забыть парня, которого я ни разу в жизни не встречала. Но в том-то и штука. Он – всего лишь слова на бумаге. Я знаю, что если выслежу его, то между нами все изменится. Возможно, это мне и нужно.

Я думаю про свидание с Джейком. Как же все ужасно не вовремя. Я дохожу до машины и открываю дверь. Энн останавливается у моего багажника, поглядывая на меня.

– Мне нужно узнать адрес Луки, – говорю я.

– Представь, в каком он будет шоке, когда ты пришлешь ему письмо. Вряд ли он ждет, что для этого ты полетишь аж в Сан-Диего.

– Ты права. Если я не узнаю адрес, он так и будет слать письма на станцию, чтобы подразнить меня.

– Наверное, он считает, что уже выиграл, когда удалил страницу. Неужели ты позволишь ему победить?

Я качаю головой.

– Черта с два. Летим в Сан-Диего.

Энн даже не пытается скрыть свой восторг.

– Я позвоню, когда доеду до дома.

Она прыгает на месте, как маленькая девочка, которой только что сказали, что она едет в Диснейленд.

Я смеюсь, залезая в машину, пока Энн идет к своей. Мне нравится ее энтузиазм по поводу поисков моего друга по переписке.

Заходя в дом, я замечаю, как Джейк проверяет почтовый ящик. Услышав, как открылась входная дверь, он оборачивается через плечо, а потом смотрит пристальнее, когда видит меня. Его губы растягиваются в усмешке, заставляя мое сердце биться чаще. Уже очень давно никто не был так рад меня видеть. Темные волосы Джейка в легком беспорядке, и у меня появляется странное желание провести по ним пальцами. Я сую руки в карманы, чтобы не сделать ничего постыдного.

На Джейке другая футболка, но она точно так же обтягивает его бицепсы. Никогда так не завидовала футболке. Он закрывает почтовый ящик и поворачивается ко мне. Я начинаю сожалеть о том, что согласилась поехать в Сан-Диего на выходных. Думаю, не поздно ли менять планы, но знаю, что Энн наверняка уже покупает билеты.

– Привет, – говорю я, делая шаг к почтовым ящикам.

– Привет.

Джейк не отрывает от меня глаз, когда я подхожу к нему. Замечаю, что при улыбке один краешек его губ поднимается чуть выше. Его глаза кажутся синее, но, наверное, из-за освещения. От него сложно отвести взгляд – никогда не встречала настолько физически привлекательного парня. Потом я понимаю, что мы стоим у почтовых ящиков и молча смотрим друг на друга уже несколько секунд. И прокашливаюсь.

– Так вот, по поводу выходных. – Вот уж не знала, что это будет так сложно говорить, но приходится. – У меня появились планы. Можно перенести свидание?

– О. – Его улыбка вянет. Оба уголка его губ теперь на одной линии. Он еще улыбается, но уже не так радостно. – Да, конечно. Надеюсь, все в порядке.

– В полном. Просто неожиданно приходится лететь в Сан-Диего. – Я закатываю глаза, пытаюсь намекнуть, что это пустяковая поездка. – Но можно устроить свидание на следующих выходных. Ну или когда ты свободен.

– На следующих – не проблема. Сан-Диего, значит? Это по работе?

– Не совсем. Вернее, совсем нет. Я лечу с Энн. – Не хочу заставлять Джейка ревновать, рассказывая, что пытаюсь найти другого парня. Особенно учитывая, что из-за этого я откладываю свидание с ним. Я пытаюсь придумать другой повод. – Она... она хочет увидеть, какие там пляжи. Думает, что там лучше, чем в Майами.

Это почти правда, но мне все равно стыдно за нее.

– А. Значит, исследовательская поездка.

Я смеюсь.

– Можно сказать и так.

– Я слышал, песок там белее.

– Даже не знаю. Никогда не была на Западном побережье. Не представляю, что у них на пляжах может быть столько же водорослей.

– Обязательно расскажи, какой будет вердикт.

– Конечно. Увидимся?

Уголок его рта снова поднимается, возвращая кривую улыбку.

– Я провожу тебя по лестнице. Если не хочешь зайти со мной в лифт.

Я смеюсь.

– Ни за что.

Мы идем к лестнице. И только когда мы одолеваем половину первого пролета, я понимаю, что забыла проверить почту.

– Отстойно, наверное, ходить вверх-вниз по лестнице с продуктами, – говорит Джейк.

– Лучше, чем на лифте. А если я каждый раз буду там застревать и вся моя молочка испортится?

– Логика есть. Но если ты застрянешь вместе с продуктами, тебе будет что съесть, кроме твоей же ноги.

– Не настолько много я покупаю. Я ведь живу одна. За одну ходку все доношу.

– А, ты из этих? Которые носят все за раз.

– Иным людям я не доверяю. – Мы доходим до третьего этажа, и я резко поворачиваюсь к Джейку. – О нет. Только не говори, что ты из таких извращенцев. Неужели ты носишь только по одному пакету?

Он хмурится.

– А это камень преткновения?

– Разумеется, – киваю я.

– Ну тогда тебе повезло, ведь я практически изобрел ходки, когда поднимаю все за раз. – Джейк игнорирует мое недовольное лицо. – Вот попробуй таскать все продукты на семью из шести человек безо всякой помощи.

Я поднимаю бровь.

– Так, вот теперь ты выделяешься. Большая семья, да?

Джейк улыбается.

– Да. А у тебя?

Я качаю головой.

– Я единственный ребенок. Всегда мечтала о братьях и сестрах.

– С ними иногда полный хаос, – говорит Джейк, – но я бы ничего не менял.

Я понимаю, что надеюсь познакомиться с его семьей. Знаю, это абсурд, мы ведь даже на первое свидание не ходили.

У меня звонит мобильный. Я достаю его из сумочки, чтобы проверить, кто это.

– Тебе надо ответить? – спрашивает Джейк.

Я вздыхаю.

– Это Энн. Пытается спланировать поездку.

Я надеюсь, что он скажет мне все отменить и провести с ним выходные. Я хочу, чтобы он велел мне забыть про парня, который писал мне письма, и жить своей жизнью. Но даже если бы Джейк обо всем знал и сказал бы так, я бы вряд ли смогла. Мне нужно завершить историю. Я не могу оставить открытый финал у общения с Лукой.

– Развлекайся, – говорит Джейк. – Увидимся, когда вернешься.

Я смотрю, как он поднимается по лестнице, и отвечаю на звонок Энн, прижимая телефон к уху плечом и открывая дверь в коридор третьего этажа.

– Короче, я вижу прямой рейс до Сан-Диего с вылетом через четыре часа меньше чем за триста долларов.

– Совсем неплохо.

Почему-то я всегда представляла, что билеты на самолет стоят тысячи долларов.

– Выходит вполне прилично, – говорит Энн. – Прилетим сегодня вечером, бронируем номер на двоих – если не хочешь два отдельных, – а потом, сразу, как встанем, поищем улицу твоего бумажного врага. Если все пройдет удачно, проведем день на пляже, а потом поймем ночной до дома.

– Хорошо. А что за ночной?

– Ты серьезно? Столько лет училась в колледже и не знаешь про ночные?

– Это самолет? Я никогда не летала, Энн.

Я слышу ее смех в трубке.

– Это самый поздний рейс. Прилетим домой рано утром в воскресенье. Так не придется платить за две ночи в отеле.

– Считай, я за. Как мне забрать билет? Купить в аэропорту?

– Ты серьезно никогда не летала?

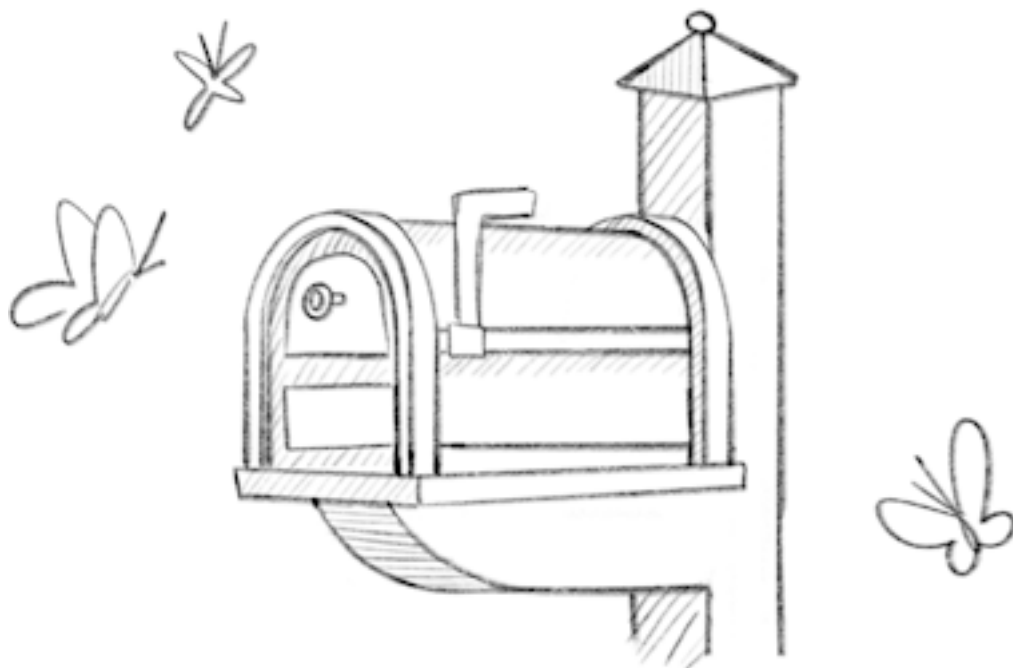
– Будешь меня дразнить, я все отменю.

– Ладно, ладно. Но нет. В смысле, ты можешь купить билет в аэропорту, но онлайн будет быстрее. Я пришлю тебе ссылку.

У меня потеют руки, когда я вешаю трубку. Энн тут же присылает ссылку, и я кликаю на нее. Поверить не могу, что я скоро поеду в аэропорт и попробую сесть на самолет. Я вбиваю свои данные в форму и понимаю, что купить билет на удивление просто. Я боюсь, что, как только нажму кнопку и подтвержу заказ, раздастся сигнал тревоги, экран замигает красным и мне отменят билет. Может, в квартиру даже ворвутся агенты управления транспортной безопасности. Мой палец зависает над кнопкой. Сердце колотится в груди. Я закрываю глаза и стучу по экрану.

Ничего не происходит. Никакой тревоги, никто не вламывается ко мне домой. Я открываю глаза и вижу, что промахнулась. Снова жму и жду, задержав дыхание. Страница белеет, а потом перезагружается с подтверждением покупки билета. Я шумно выдыхаю, а потом напоминаю себе, что это было легко. Теперь придется пройти новое испытание – аэропорт.

Глава шестая. Взгляд Демона-Хаски

Я стою у дома с рюкзаком на плече и жду, пока меня заберет Энн. Передо мной туда-сюда ходит колесом маленькая девочка. Я отвратительно определяю возраст, но сказала бы, что ей где-то пять-шесть лет. Или десять.

Когда она делает колесо в четвертый раз, я оглядываюсь в поисках ее родителей. Вроде бы никто не заявляет прав на маленькую уличную акробатку. Подняв бровь, я смотрю, как она прекращает кувыркаться и садится на корточки рядом с палисадником. И, как будто зная, что за ней наблюдают, встает и поворачивается ко мне лицом.

– Посмотри!

У меня нет выбора: я вглядываюсь в протянутую ладошку девочки, которая внезапно оказывается куда ближе к моему лицу, чем мне было бы удобно. На пальце ребенка лежит что-то вроде накладных усов. Я хмурюсь, пытаюсь понять, зачем мне это показывают, но замечаю, что усы двигаются.

– Что это? – ошарашенно спрашиваю я.

– Это гусеница.

– О. Как мило.

Это самая мохнатая гусеница, какую я только видела. Даже не знала, что они могут быть такими пушистыми.

– Хочешь подержать, Гномик?

Через секунду до меня доходит, что девочка не обзывается, а пытается произнести мое имя.

– Может, тебе лучше ее отпустить? – предлагаю я. – Вдруг она ядовитая?

– Глупая. Гусеницы ядовитыми не бывают. – Девочка подставляет гусенице вторую ладошку. Мы смотрим, как та переползает с одной руки на другую. – Эта превратится в мотылька.

– Неужели? – Я снова оглядываюсь. Энн придет с минуты на минуту, и я боюсь, что после моего ухода ребенок останется без присмотра взрослых. – Где твои родители?

– Мама моет ванную. Она не знает, что я здесь.

– Тебе бы пойти домой, пока она не заметила, что ты пропала, и не начала волноваться. Девочка корчит рожицу.

– А можно взять домой гусеницу?

Я на минуту задумываюсь.

– Лучше положи на куст, где нашла. Так она соорудит кокон и станет бабочкой.

– Мотыльком, – поправляет меня девочка.

– Ну да.

Энн сигналит, подъезжая к обочине. Девочка бежит к кусту отпускать гусеницу. Я бросаю рюкзак к Энн на заднее сиденье, а потом смотрю с пассажирского, как ребенок исчезает в подъезде.

– Чья это девочка?

– Без понятия, – говорю я. – Она живет в моем доме и считает, что меня зовут Гномик.

– Гномик? Я обязана это запомнить!

– Пожалуйста, не надо.

– Ну что, хочешь полетать в первый раз, Гномик?

– Я слегка нервничаю, Аннет.

Энн кривится.

– Ладно, ладно, прости. Забудь, что я тебя так назвала. – Мы обе какое-то время молчим, пока она везет нас в аэропорт. – А вот нервничать не надо. Знаешь, насколько редки авиакатастрофы?

– Я волнуюсь не поэтому.

И я сразу же сожалею об этой фразе. Бояться авиакатастрофы куда проще, чем объяснять, почему я так парюсь из-за перелета.

Энн хмурится на меня.

– А почему тогда?

– Неважно. Это глупо.

– Сама заговорила.

– Давай оставим это. Наверняка все будет хорошо. – Я сама себе не верю, но должна хотя бы притворяться нормальной.

– Ты боишься, что тебя стошнит, да? – уточняет она. – Тебя укачивает?

– Да, точно, – вру я. – Меня даже на «Русских горках» тошнит.

– Справишься. Меня раньше каждый полет тошнило. Я научу, как с этим справляться.

– Спасибо.

Теперь у меня есть два повода для волнения. Я даже не думала, что могу себя заблевать, если сяду в самолет.

Мы доезжаем до аэропорта, и Энн паркует машину на стоянке. Я делаю глубокий вдох. Теперь я нервничаю куда больше, чем отъезжая от дома.

– Я забыла загранпаспорт, – говорю я. – Наверное, уже поздно за ним ехать, да? Давай вернемся.

Энн закатывает глаза, хватая меня под руку и тащит к зданию.

– Чтобы лететь в Калифорнию, загранпаспорт не нужен.

Я чувствую себя невесомой, пока она тянет меня к разъезжающимся дверям в аэропорт. Я потею, но в то же время мне холодно. Если бы Энн обернулась, ее бы точно напугала моя бледность. Подходя к стоп-линии, я смотрю на агентов Управления транспортной безопасности. Один из них встречает мой взгляд, и я отвожу глаза, надеясь, что не привлекаю к себе слишком много внимания.

Мы доходим до рамок металлоискателей, и, наклонившись к Энн, я шепчу:

– А если меня не пропустят?

Та смеется. Явно считает, что я шучу.

– А что, у них есть причины?

– Не знаю. Может быть. Меня ведь не заставят снять одежду?

Энн осматривает очередь перед нами.

– Не вижу, чтобы еще кто-нибудь раздевался. На то и придумали эти сканеры. Но я не буду жаловаться, если тот парень с татухой на бицепсе скажет, что ему надо меня прощупать.

– Какой парень?

Не помню, чтобы у кого-то из агентов были татуировки.

– В синей рубашке, – уточняет она.

– Он не сотрудник, Энн. Он... – Парень с тату раскладывает коляску, и женщина, несшая на руках грудничка, кладет его туда. – Он пассажир. Женатый. И с ребенком.

– Все равно жаловаться не буду.

Я пихаю ее в руку локтем.

– Ты просто ужасна.

Неприличное замечание Энн слишком меня забавляет, и я даже не осознаю, что добралась до края очереди. Я прохожу досмотр и задерживаю дыхание, когда агент просит меня подождать. Понимаю, что сейчас сбудутся все мои страхи. Меня отведут в сторону и арестуют или скажут, что мне нужно...

– Все, можете идти, – говорит агент, прежде чем я успеваю додумать все ужасные мысли.

Я тороплюсь к конвейеру и хватаю вещи. Энн тоже проходит через сканер, и мы углубляемся в аэропорт.

Останавливаемся перекусить в одном из ресторанчиков и доходим до нашего гейта как раз ко времени посадки. Наши места находятся в самом хвосте.

Как только я сажусь, у меня вибрирует телефон. Увидев новое сообщение от Джейка, я чувствую укол радости.

Горячий сосед. Когда я спускался, лифт затрясся. Подумал о тебе.

Я улыбаюсь. Интересно, он это выдумал как предлог поговорить со мной?

Наоми. Ты застрял?

Горячий сосед. Не-а. Только слегка тряхнуло.

Горячий сосед. Ты уже на борту?

Наоми. Только села. И нам уже объявляют, что надо выключить телефоны.

– И как Взгляд Демона-Хаски отреагировал, когда ты все отменила?

Вопрос Энн отвлекает меня от телефона и сбивает с толку: комбинация слов в ее фразе такая странная, она будто говорит на другом языке. Я хмурюсь, и, когда Энн ничего не переспрашивает и даже не пытается все объяснить, приходится уточнить самой:

– Что ты сказала?

– Когда ты все отменила, – повторяет она.

– Это я уловила. А остальную часть предложения – нет.

– Взгляд Демона-Хаски, – она закатывает глаза. – Ну знаешь. Твой горячий сосед с пронзительными голубыми глазами, с которым ты должна была сейчас идти на свидание.

– О. – Я пожимаю плечами. – Нормально он все воспринял.

– Ты ведь ему сказала, да?

– Конечно, сказала. Я просто не поняла, как ты его назвала.

– Да брось. Ты не думаешь, что у него взгляд демона-хаски?

– Ну вот сейчас, когда ты так говоришь, мне тоже начинает так казаться. Но при чем тут демон? Это как-то жутковато.

– Если бы ты сказала, как его зовут, мне бы не пришлось звать его Взглядом Демона-Хаски.

– Он Джейк.

Энн заглядывает мне в телефон через плечо. Увидев, как я сохранила его контакт, она закатывает глаза.

– Серьезно? Парню с такой внешностью не надо тешить эго.

– Я просто хочу немного с ним развлечься, пока не съеду из квартиры. И потом, он сам так вбил свой номер.

– Если уж выбирать прозвище, то Взгляд Демона-Хаски звучит лучше, – говорит Энн.

– Мне не нравится часть про демона. Может, просто Взгляд Хаски?

Энн хмуро поджимает губы. Потом выхватывает у меня телефон.

– Эй. Ты что делаешь?

Я смотрю, как она меняет имя Джейка с Горячего соседа на Взгляд Хаски. Потом отключает мой телефон, и я не успеваю ничего сделать. Энн отдает его мне и поворачивается к окну.

– Ты посмотри, – говорит она. – Мы летим.

– О! Ничего себе. Ты права.

Я почувствовала, когда самолет взлетел, но была слишком поглощена разговором с Энн, чтобы как-то отреагировать.

– Видишь? Не так все плохо.

Я смотрю на крохотные дома и машины под нами, а потом открываю свой рюкзак под сиденьем передо мной. И достаю папку.

– Что это? – спрашивает Энн.

– Чтиво на следующие несколько часов.

Я открываю папку и показываю пачку писем, которые решила дать прочесть Энн. Ее глаза расширяются, и она берет первый лист в руки.

– Это от Луки?

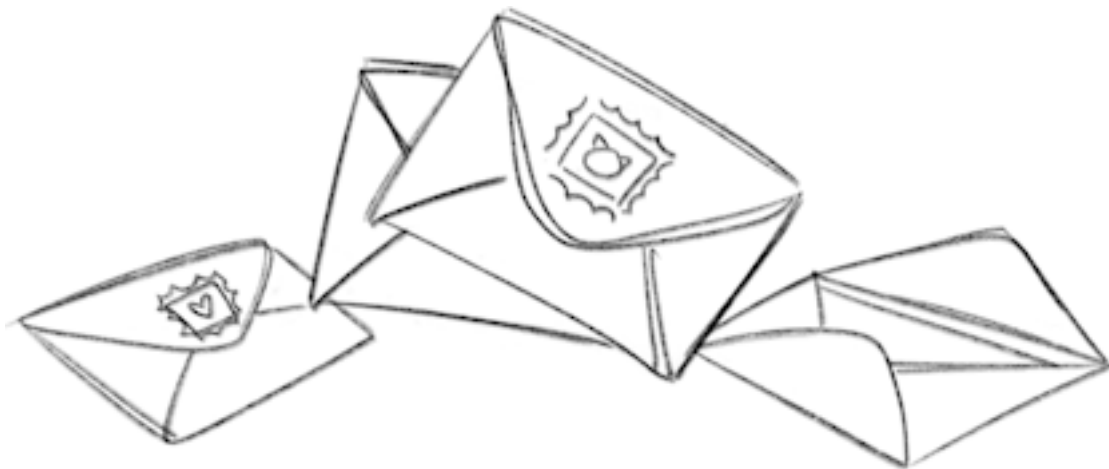
– Письма, которые он посылал мне в старших классах.

Энн читает первое, хмурится, а потом смеется так громко, что на нас оборачиваются.

– Что ты на это ответила? – спрашивает она. Берет следующее письмо, явно огорчаясь, что это не мое, а очередное от Луки.

– Знаешь, мои он обратно не отсылал, так что тут только его письма. Но я помню все, как будто получила их вчера. И наверное, могу сказать, что написала в ответ.

Глава седьмая. Несчастливая слепая женщина

Лука

В чем была фишка Наоми: как бы я ни хамил, в каком бы ужасном настроении я ей ни писал, она всегда отвечала. А я был очень, очень грубым. В течение года после ухода отца я использовал ее как виртуальную грушу для битья. Я никогда не говорил ей о произошедшем, потому что не хотел, чтобы она меня жалела, как все остальные. Если я выговаривался Бену или своей девушке, они предлагали решения, которые никогда не работали, или извинялись, хотя не были ни в чем виноваты. Но когда я выговаривался Наоми в письмах – обычно теми словами, что я хотел бы сказать папе, – она отвечала чем-то в равной степени грубым или возмутительным и часто заставляла меня смеяться.

Мы были в старших классах, когда тон наших писем начал меняться. Исчезли невинные оскорбления детей, лишенных жизненного опыта, который мог бы поддержать наши слова. Не уверен, в какой момент мы пересекли эту черту и кто первый это сделал, но ни один из нас не готов был отступить.

Дорогой Лука.

Я должна сейчас работать над эссе, но не могу сосредоточиться, потому что в комнате сидят мои кузины, делают друг другу макияж и пытаются уговорить меня заняться тем же. Кортни выщипывает Белле брови, а Белла визжит. Очень сложно в таких условиях писать про Гражданскую войну, но это заставило меня подумать о тебе.

Я бы с удовольствием повыдергивала тебе волосы на ногах пинцетом, по одному. Думаю, мне было бы очень приятно наблюдать, как ты вопишь от боли. А потом, когда они начали бы отрастать, надеюсь, у тебя появился бы вросший волос, ты расковырял бы его, заработал инфекцию и в итоге потерял ногу. А потом, когда врач выписал бы тебе протез, он был бы на пару сантиметров короче, что привело бы к ужасной хромоте до конца жизни.

С любовью,

Наоми

Дорогая Наоми.

Моя мама выщипывает себе брови и все время говорит про депиляцию воском. Не понимаю, зачем девочки причиняют себе столько боли. Просто пользуйтесь бритвой, что ли. Но лучше позволь кузинам сделать тебе макияж. Уверен, он тебе очень нужен.

Мне интересно, с чего ты так одержима волосами на моих ногах и мыслью о том, что я потеряю конечность. Потому что ты втайне хочешь приехать в Сан-Диего и позаботиться обо мне? Я дам тебе повщипывать у меня волосы на ногах, если это будет значить, что ты встанешь передо мной на колени.

*С любовью,
Лука*

Дорогой Лука.

Как ужасно, что ты всегда все сводишь к сексуальной теме. Наверное, я не удивлена, ведь тебе никто не дает. Скорее всего, ты останешься девственником до пятидесяти и тебя удовлетворит какая-нибудь несчастная слепая женщина в доме престарелых, которая примет тебя за своего мужа. Тебе повезет, что у ее мужа тоже мелкий член, так что разницы она не заметит.

*С любовью,
Наоми*

Дорогая Наоми.

Ты ошибаешься. Я не девственник и у меня уже была куча подружек, так что я не закончу в одиночку в доме престарелых, в отличие от тебя. Похоже, это ты будешь той слепой женщиной, запутавшейся в микропенисах.

А еще у меня не мелкий член. Могу прислать тебе в следующий раз фото, если хочешь посмотреть сама.

*С любовью,
Лука*

Дорогой Лука.

Скорее всего, у тебя было много подружек потому, что ты ужасен в постели. Одно то, что у тебя большой член, не значит, что ты умеешь им пользоваться, а куча подружек не значит, что ты не закончишь в одиночестве. А еще – спасибо, но диклика не нужно. Не хочу, чтобы мой несчастный почтовый ящик заработал хламидиоз.

*С любовью,
Наоми*

К концу моего предвыпускного класса многие наши письма обрели подобный налет флирта. Или я только воображал, что она заигрывает со мной, потому что был вечно возбужденным подростком. Бен встречался с Иветт с девятого класса и все свое время проводил с ней. У нас с ним остался всего один общий курс, так что виделись мы нечасто. И даже эти редкие встречи были совсем не такими, как раньше. Он завел новых друзей на других уроках, и я начал чувствовать себя изгоем. Я никогда особо не умел заводить друзей и, наверное, всегда считал Бена своим лучшим другом.

В отличие от Бена, которому сразу хотелось долгих отношений, мне было неинтересно мутить с девчонками дольше недели-двух. Пару лет это было забавно, но к выпускному году я перестал встречаться с половиной девчонок в классе. Вторая половина либо была не так привлека-

тельна, либо я был для них неприкасаем, потому что встречался с их подругами. В итоге большую часть года я провел один. На табеле это отразилось блестяще, но мне было очень одиноко.

В конце того года, похоже, все мои друзья зарегистрировались на каком-то сайте под названием «Фейсбук»[◇], а моя мать сидела там уже несколько лет. Сперва мне было лень этим заниматься, но я решил последовать трендам и завел себе страницу. В профиле стояло мое фото с Беном и еще парой друзей на пляже.

Скорее всего, от скуки с капелькой одиночества одним вечером я напечатал «Наоми Лайт» в строке поиска. Мы общались годами, и мне было любопытно, как она выглядит. Перед тем как нажать «поиск», я заколебался. Я не был уверен, что на самом деле хочу знать, как она выглядит. Во многих письмах я шутил, что она уродлива, но понятия не имел, какая она на самом деле. Я боялся, что, если узнаю правду, это может все изменить. В моих мыслях она была довольно миленькой. Отчасти поэтому с ней было забавно флиртовать. Захочется ли мне и дальше ей писать, если она будет похожа на огра?

Я аккуратно нажал на клавишу и подождал, пока появятся результаты поиска. Их было несколько – в основном пожилые женщины, – но была одна аватарка, на которой красовалась девушка-подросток из Оклахома-Сити. Кликнув на ее профиль, я задержал дыхание. Это не могла быть моя подруга по переписке. Я перепроверил ее профиль, убедившись, что она правда живет в Оклахома-Сити и тоже учится в выпускном классе. Потом кликнул на фотографию, чтобы рассмотреть ее получше.

У Наоми были золотисто-рыжие волосы и светлая кожа с парой светлых веснушек на носу. Глаза у нее были темно-синие, губы – пухлые и розовые, а зубы идеально белые и прямые. На щеках при улыбке появлялись ямочки. Я щелкнул, перелистывая на следующее фото. Наоми стояла среди других девочек в спортивной форме, подтянутая, с загорелыми ногами. Она показалась мне самой красивой. Я сидел с отвисшей челюстью. Потом посмотрел следующее фото и продолжал кликать, чтобы увидеть еще. Мне хотелось увидеть все кадры, которые она выложила.

Сложно было поверить, что все это время я писал *ей*. По сравнению с Наоми самая красивая девушка в наших старших классах была похожа на поганку. Внезапно я поймал себя на мысли, что хочу взять обратно все те гадости, что когда-либо ей написал.

Я думал отправить ей приглашение в друзья, но тогда она бы догадалась, что я ее искал. Не понимаю, почему я не хотел, чтобы она знала. Вместо этого я достал бумагу и ручку.

Дорогая Наоми.

Я наконец сделал себе профиль в фейсбуке[◇]. Наверняка я последний в своем классе, кто там зарегистрировался. Немного странно заходить на страницу и видеть случайные мысли, которые выкладывает у себя моя мать. Она всегда первой лайкает мои фото. Иногда я захожу в профиль, вижу пятьдесят уведомлений, и на секунду мне кажется, что я популярен, но потом оказывается, что это мама спамит мне на странице комментариями. Кажется, она мой единственный настоящий друг. Это не выглядит немного жалким?

Как думаешь, мы можем подружиться на фейсбуке[◇]? Если у тебя там есть страница, конечно. Ты скажи, я могу поискать тебя и добавить в друзья.

С любовью,

Лука

Дорогой Лука.

*С чего ты взял, что нужен мне в друзьях на фейсбуке[◇]? Не утруждайся,
не пытайся отправить мне приглашение. Даже не ищи меня, ладно? О, и води
себя хорошо с мамой.*

Чмоки-чмоки,

Наоми

Не такого ответа я ожидал. Я думал, она прочтет мое письмо, а потом из любопытства зайдет в интернет и поищет меня. Неизбежно увидит, что я тоже лучше всех тех парней, с которыми она ходит в школу, и кинет мне заявку в друзья. Или по крайней мере будет не против, что я ее пришлю.

Я был так обескуражен письмом, что отложил его в сторону и не отвечал около месяца. Наверное, надеялся, что Наоми изменит свое мнение или, может быть, найдет меня и поймет, что упускает. Но этого не произошло.

Глава восьмая. Правила для сталкеров

Наоми

– Почему ты не захотела добавить его в друзья?

Энн закончила читать все письма, которые прислал мне Лука за три года в старших классах, пока я, как могла, вспоминала, что писала в ответ.

Я пожимаю плечами.

– Не знаю. Если так подумать, даже немного жестоко получилось.

– Разве тебе не было любопытно узнать, как он выглядит?

Конечно, я нашла его в Сети, когда он прислал то письмо. Врать не буду, в какой-то момент я даже слегка запала на Луку, но никогда не признаюсь в этом Энн. Из-за закрытой страницы мне было видно только одну фотку, где он стоял на пляже с другими парнями, и все были в темных очках и со скрещенными на груди руками, как будто считали себя красавчиками. И в целом ими были – по крайней мере, в школе так казалось, – но это уже неважно.

– Когда Лука прислал мне это письмо, я встречалась с парнем. Мне было все равно, как он выглядит. Так и так профиль был закрыт.

Я упускаю тот факт, что заходила в его аккаунт много раз, пытаюсь понять, который из парней на фото – Лука, и надеюсь, что он откроет страницу и я смогу подсмотреть побольше без его ведома.

– Ты с ума сошла, – говорит Энн. – Я бы приняла его запрос в друзья.

Какое-то время я думаю об этом, вспоминая, как объяснила свой отказ Луке тогда.

– Ты читала его письма, – напоминаю я. – Он вечно грубил и обижал меня, а я не хотела, чтобы он оставлял такие комментарии у меня на странице, где любой может их прочитать.

А еще мне почему-то нравилось писать бумажные письма и опускать их в почтовый ящик, и я боялась, что, если мы с Лукой начнем общаться в Сети, эта магия закончится. Я не была готова положить конец той эпохе. И видимо, не готова до сих пор, раз уж лечу искать его, после того как не получала вестей два года.

– Наверное, это правильно. Но я бы его добавила хотя бы на минутку, чисто посмотреть, как он выглядит. На самом деле я сталкерилась в интернете почти всех, с кем переписывалась по работе.

– Серьезно? Зачем?

– Люблю соотносить имена с лицами.

– Вот теперь мне любопытно. Как думаешь, он удалил страницу, чтобы его было сложнее найти?

Энн кивает.

– И наверное, заплатил, чтобы его информацию удалили с PeopleFinder. Ну или Лука Пичлер – не его настоящее имя.

– Наверняка настоящее. Это имя попало мне в начальной школе, когда мы заводили друзей по переписке.

– А, ну да. Если так, значит, он серьезно постарался, чтобы скрыться от тебя.

– Ничего, – говорю я. – Нам не нужны фейсбук[◇] или публичные архивы. Будем выслеживать его по старинке.

Неожиданно у меня мелькает мысль: а что, если он не развелся? Я даже жалею, что не подумала об этом раньше. Наверное, будет странно, если какая-то случайная женщина (я) придет к ним на порог искать Луку. Я понятия не имею, что меня ждет и куда я лезу.

– Это будет так прикольно, – говорит Энн.

Она кладет письма обратно в папку и сует мне в рюкзак, пока мы приземляемся. Нам еще хватит почитать завтра вечером в аэропорту.

– А если это плохая идея? Если он переехал в дом детства, а когда я приду к нему на порог, меня арестуют за stalking? Или хуже: вдруг мне брызнут в глаза из баллончика?

– Маловероятно, – говорит Энн. – И потом, он сам за тобой немножко следил, чтобы выяснить, где ты работаешь.

Я думаю, как Лука справлялся с теми же проблемами, что и мы с Энн, чтобы найти меня. Интересно, зачем ему это нужно и почему я наконец получила от него письмо? Почему сейчас? Ситуация бьет наотмашь: сперва меня так надолго забыли, а потом я снова получаю конверт и не могу написать в ответ. Хотя, наверное, «забыли» – это не то слово. Мы оба уехали, и я думала, что Лука живет своей жизнью. Хотя он все время мелькал в моих мыслях, так или иначе.

Нечестно, что мне сейчас так сложно его найти. Ему наверняка было проще, ведь он каждое утро видел меня в новостях.

Энн подняла меня ни свет ни заря, чтобы выследить Луку, и вот мы здесь, в восемь утра, стоим перед домом, где он вырос. Это бледно-голубое здание с белыми ставнями. На углу парковки стоит почтовый ящик. Интересно, тот самый? Куда падало бесчисленное количество писем, которые я годами присылала на этот адрес?

– Ему было несложно, – говорю я. – Надо было всего лишь найти в Сети мое имя и увидеть прогнозы погоды. Ему не пришлось лететь до Майами, чтобы это выяснить.

– Ну у тебя нет вариантов: приходится действовать так.

– Наверняка это отлично сработает в суде. «Я не виновата, ваша честь: он не дал мне иного выбора, кроме как stalkерить его!»

Энн закатывает глаза.

– Успокойся. Худший вариант – ты получишь запрет на приближение. И я сомневаюсь, что он так поступит. Зачем лезть из кожи вон в поисках тебя, а потом подавать запрос в суд?

Я знаю, что она права, но тяну время. Делаю глубокий вдох и еще минуту смотрю на дом. Пытаюсь представить Луку ребенком, выбегающим из входной двери к почтовому ящику, чтобы проверить, нет ли там письма для него. Вот интересно, волновался ли он, как я, проверяя почту? Было время, когда я думала, вдруг он и правда меня ненавидит. Некоторые посла-

ния были такими мерзкими и такими личными, что я удивлялась, зачем он вообще утруждает себя перепиской. Иногда он даже угрожал больше мне не писать, но никогда не воплощал эти угрозы в жизнь.

Может, Лука просто рос озлобленным ребенком? Или ему просто нравилось надо мной издеваться? Я представляю, как он, уже постарше, все равно проверяет почту в поисках моих писем. Правда, представить это сложно, ведь я не знаю, как он выглядит. Каждый раз воображаю его по-разному. Иногда у него светлые волосы, иногда каштановые. Иногда он высокий, а иногда низенький.

– Тебе страшно? – тихо спрашивает Энн, выдергивая меня из раздумий.

– Немножко.

– Никто не будет прыскать в тебя из баллончика. Подойди и постучи. А то ты явно пугаешь их больше, пока просто стоишь и пялишься на дом.

Я вздыхаю и заставляю себя подойти к крыльцу. Жму на звонок и задерживаю дыхание.

По ту сторону сетчатой двери появляется женщина. Затем открывает ее и выжидающе смотрит на нас.

– Чем могу помочь?

– Здравствуйте, – говорю я, едва не теряя голос. – Я хотела спросить, вы знаете что-нибудь о семье, которая жила в этом доме до вас?

Та пожимает плечами.

– О Джонсах? Вы что, из переписки населения?

– Нет, просто... Сколько здесь жила семья Джонсов? А никого по имени Лука не было? Лука Пичлер, например?

– Понятия не имею. Я их не знаю. Только иногда получаю их почту.

– А ваши соседи? Сколько они тут живут, не подскажете?

Женщина вздыхает. Я вижу, как она теряет терпение.

– Понятия не имею. Я тут всего год живу. И не особо общаюсь с соседями.

– Хорошо. Спасибо. Простите за беспокойство.

Женщина уходит в дом, закрывая за собой дверь. Мы с Энн переглядываемся, спускаемся с крыльца и возвращаемся на тротуар.

– Я так и думала, что она ничего не знает о Луке, – говорю я. – Он не писал мне отсюда со времен школы.

– Но должны же быть соседи, которые живут тут долго и помнят его или его семью, – предполагает Энн. – С кого хочешь начать?

– Давай с ближайших домов.

Пока мы идем по кварталу, мой телефон жужжит: новое сообщение. На минуту я забываю, что Энн поменяла имя в списке контактов, и не понимаю, почему мне пишет какой-то Взгляд Хаски.

Взгляд Хаски. Как тебе Сан-Диего? Лучше Майами?

Наоми. Тут красиво. Я могу и не вернуться.

Взгляд Хаски. Нельзя принимать такое важное решение, не сходяв со мной на свидание.

Наоми. Неплохая самооценка! Думаешь, что одно свидание может заставить меня передумать?

Взгляд Хаски. Это будет не одно свидание.

Я перечитываю его сообщение, пытаюсь понять, как от простого предложения у меня растекается тепло по всему телу. Начинает кружиться голова, и я понимаю, что задержала дыхание. Не знаю, как отвечать на такой флирт. Я делаю глубокий вдох, а потом печатаю.

Наоми. Да? Кто-то так уверен в себе. А если после первого ты меня возненавидишь?

Взгляд Хаски. Этого не будет.

Наоми. Чем сегодня занят?

Взгляд Хаски. Зависаю с семьей и жалею, что не гуляю по пляжу с милой девушкой из прогноза погоды, с которой недавно познакомился...

Я вздрагиваю, когда Энн хватает меня за руку и дергает на другую сторону тротуара.

– Земля вызывает Наоми! Ты правда не видела столб?

– Что? Ой.

Я оглядываюсь и понимаю, что Энн только что не дала мне глупо врезаться головой.

– Чему ты улыбалась? – спрашивает она, указывая на телефон. А потом сужает глаза с понимающей улыбкой. – Это Взгляд Хаски, да? Шлет тебе сексуальные фотки?

Я смеюсь.

– Нет. В смысле: да, это он, но нет, он не шлет мне фотки. – Телефон снова вибрирует, но я прячу его в карман, не посмотрев, а то вдруг Джейк решит опровергнуть мои слова. – Идем. Вон к тому дому.

Крайний дом с угла зарос кустарником так, что по дорожке ко входной двери невозможно пройти. Приходится обходить изгородь, чтобы добраться до крыльца. На этой улице нам долго не везло: дома стояли сплошь под сдачу отдыхающим. Но за последним домиком явно не ухаживают так тщательно, и я надеюсь, что местные жильцы обитают тут какое-то время.

Звонка нет, так что я стучу в деревянную дверь и принимаюсь ждать. Где-то в доме радостно тявкает собачка. Через минуту нам открывают, и на пороге появляется хрупкая старушка в очках, из-за которых ее глаза кажутся просто огромными. Питомец все еще тявкает откуда-то из задней комнаты.

– Доброе утро, мэм, – говорю я. – Надеюсь, я вам не помешала.

– Что вы, что вы! – Она улыбается, и ее вставная челюсть кажется слишком большой для такого личика.

– Меня зовут Наоми, а это моя подруга Энн. Мы пытаемся найти человека, который раньше жил на этой улице. Подскажите, вы давно тут живете?

– Кэрол Белл, – отвечает старушка, пожимая нам руки. – Я могла бы сказать, сколько тут живу, но не хочу признаваться, сколько мне лет. – Она лукаво улыбается и подмигивает мне. – Я здесь всю жизнь. Этот дом построил мой папаша, знаете ли.

Энн тычет меня локтем, и я вижу, как она чуть не подпрыгивает от восторга. Я поворачиваюсь к Кэрол и говорю:

– Невероятно! Такой красивый дом. Наверняка вам нравится жить рядом с морем.

Кэрол кивает.

– На что другое я бы не согласилась.

Я указываю на старый дом Луки.

– Видите этот голубой дом посреди улицы?

Старушка высовывает голову из дверного проема, чтобы посмотреть, куда я показываю.

– Вы не помните семью, которая жила тут несколько лет назад? По фамилии Пичлер. Как минимум восемь лет тут провели, возможно больше. У них был сын по имени Лука.

Кэрол задумчиво кривит губы.

– А, да, – вспоминает она через минуту. – Помню Пичлеров. Хорошая была семья, хоть и нелегко им пришлось. А за мальчика я волнуюсь. Вы его знаете? Как у него дела?

Интересно, что значит «семье пришлось нелегко»? Район кажется славным, а Лука никогда не жаловался в письмах на трудное детство.

– Мы с Лукой раньше обменивались письмами, а за годы потерялись. Я надеюсь, вы расскажете мне о нем или его семье. Я бы хотела снова ему написать.

– Ох, ну как же это мило! – восклицает Кэрол. Она поджимает губы, ее взгляд возвращается к голубому дому через дорогу. После этого тон старушки меняется. – Лидия всегда ссорилась с мужем. Вряд ли он ее бил, но на улице стоял такой ор, что будил весь район. Пару раз даже полицию вызывали, но никого не арестовывали. А потом мистер Пичлер уехал и не вернулся. Наверное, и к лучшему, но, мне кажется, мальчику было очень нелегко. Через несколько лет Лидия заболела. Представить не могу, каково было ребенку потерять обоих родителей, не успев даже закончить учебу.

Кэрол рассказывает настолько небрежно, будто я и так обо всем этом в курсе, раз переписывалась с Лукой. Я ошеломленно смотрю на нее, пытаюсь переварить произнесенные слова. Я не знала, что отец Луки его бросил и что его мать заболела. Он никогда не писал об этом. Правда, может, и писал, только по-своему, косвенно. Я вспоминаю те несколько писем, которые были резче прочих, такими грубыми, что уже не казались игрой. Я не понимала тогда, что именно Лука переживал. Нужно перечитать все письма, когда вернусь домой. Наверняка я что-то упустила.

– Это явно было непросто, – говорит Энн. – Так его мать...

– Скончалась, – кивает Кэрол.

– А как же Лука? – спрашивает Энн.

Я благодарна ей за эти вопросы, ведь меня слишком занимают мысли о Луке, чтобы думать о поддержании разговора. Я даже представить не могу, что он пережил, и теперь думаю о нем совершенно иначе. Мне всегда было интересно, почему он такой грубый, был ли он просто озлобленным ребенком или скрывался под маской. И даже не догадывалась, сколько ему выпало боли и потерь в юном возрасте. Так грустно, что я не понимала этого раньше. Жаль, что не смогла прочесть между строк и написать что-нибудь в утешение. Но возможно, это испортило бы нашу переписку.

Надеюсь, он поговорил с кем-нибудь по душам.

– Когда я слышала о смерти Лидии, Лука уже уехал. Я так и не получила от него весточки, но я и не ждала. Для него я была всего лишь старушкой, живущей дальше по улице. – Кэрол поворачивается ко мне. – Вы тогда перестали получать от него письма?

Я качаю головой, сглатывая ком в горле.

– Он продолжал мне писать еще много лет. Насколько я знаю, дела шли хорошо. Лука собирался жениться. – Я вымученно улыбаюсь.

У Кэрол светлеет взгляд.

– Вот чудесные новости! А я все беспокоилась об этом мальчике. Я так рада, что у него все сложилось.

– Я надеюсь, что вы можете знать, где он сейчас живет, но, видимо, нет. Вы случайно больше ни с кем не знакомы из его семьи? Или с кем-то, кто знает, как с ним связаться?

Она качает головой.

– К сожалению, нет. Он был единственным ребенком, как и Лидия, и мистер Пичлер. Насколько я знаю, у него не было ни кузенов, ни дядей, ни теток. Никто не приезжал к ним в гости. – Кэрол задумчиво поджимает губы. – Но у него был друг, он жил за углом. Гоняли с ним на велосипедах по улице туда-сюда, но я точно не знаю, из какого он дома. И наверняка уже тоже давно уехал. Сейчас молодежь не задерживается на одном месте.

Я оглядываюсь через плечо на улицу, представляя, как Лука катается на велосипеде вместе с другом. Может, это был один из тех парней с пляжного фото? Но образ пропадает, когда в моей голове эхом раздаются слова Кэрол. Лука вырос в неблагополучной семье, а потом потерял мать, пока я росла, считая счастье само собой разумеющимся.

– Не задерживается, – соглашаюсь я. – Если бы я осталась в доме своего детства, до сих пор жила бы в ветхом трейлере в Оклахоме.

Моя семья не была богатой, но мне даже в голову не приходило, что я могу потерять кого-то из родителей. Мне не приходилось гадать, придет ли домой отец. Как нечестно, что Луке пришлось.

– Надо искать мужчину, который построит вам дом. Как мой папаша для моей мамыши, – говорит Кэрол.

– Вот это настоящая цель для отношений, – улыбается Энн. Она явно не чувствует, насколько мне сложно держать себя в руках. Я пришла сюда за ответами, но не ожидала, что из-за них меня разорвет от эмоций.

Я прокашливаюсь.

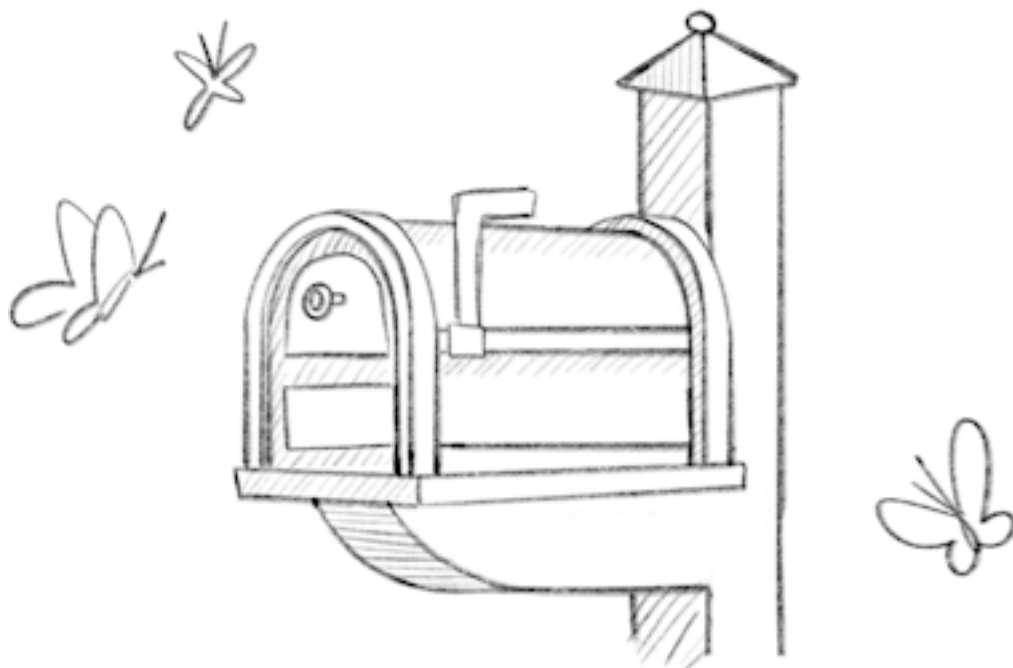
– В наши дни такого, наверное, сложно найти.

Не то чтобы мне был нужен мужчина, который построит мне дом. Я много работала последние несколько лет и сама почти накопила на собственное жилье, безо всякой помощи. Кроме как от банка.

– Жаль, я не могу вам помочь, – вздыхает Кэрол.

– Вы помогли, – говорю я, пусть и кажется, что мне снова придется начинать все заново. Но хотя бы я понимаю, что в доме детства Луку можно не искать.

Глава девятая. Еще один день

Лука

Я учился в выпускном классе, когда моей маме диагностировали рак поджелудочной железы. Такое впечатление, что он взялся просто из ниоткуда. В день, когда она узнала эту новость, я разговаривал с вербовщиком корпуса морской пехоты. Мама подождала, пока я вернусь домой, чтобы передать слова врача. Это стало шоком для нас обоих. Она была куда моложе, чем многие люди с таким диагнозом.

– Я пока ничего не подписал, – сказал я. – Я не обязан идти в морпехи. Я останусь дома и позабочусь о тебе.

Она покачала головой.

– Не ставь свою жизнь на паузу из-за меня.

Эта просьба звучала как полная чушь. Я не ставил жизнь на паузу ради нее: она была моей матерью – всем, что у меня было. Она оставалась сильной и заботилась обо мне, когда ушел отец. Я не собирался бросать ее, когда ей нужна моя забота.

– Я никуда не поеду, пока тебе не станет лучше.

Она потянулась через обеденный стол и переплела свои пальцы с моими. Когда она заговорила, ее голос был мягок, но уверен.

– Мне не станет лучше, милый.

– Не говори так. В наши дни люди сплошь и рядом переживают рак. Ты пройдешь химиотерапию, правда?

– Я обсудила свои шансы с врачом, – сказала она. – Я еще получу другое мнение, но, Лука, новости скверные. Люди не вылечиваются от рака поджелудочной. Даже с химиотерапией прогноз плохой.

У меня сдавило горло, стало сложно говорить.

– Сколько тебе осталось? Год? Два?

Она закрыла глаза, и я заметил, как пара слезинок скатилась по ее щекам.

– Скорее всего, месяцы. От химии мне может стать лучше, и, возможно, я проживу немного дольше, но врач не... врач не... – Она всхлипнула. Я крепче сжал ее руку. Когда она заговорила снова, ее голос звучал слишком слабо. – Врач говорит, что мне повезет, если я переживу апрель.

Второй специалист подтвердил диагноз первого доктора. В начале, несколько недель после этих новостей, я был в стадии отрицания. Никто бы не сказал по ней, что она смертельно больна. Я опасался, что химиотерапия может изменить ее. Наверное, я боялся, что врачи ошиблись и что она на самом деле здорова, а химиотерапия только ослабит ее. Но совсем скоро рак показал свое уродливое лицо.

После того как я пропустил несколько дней, чтобы ухаживать за мамой, она настояла, чтобы я вернулся в школу. Мы поспорили из-за этого. У нас оставалось так мало времени вместе, и я не хотел проводить большую часть дня вдали от мамы. Но от химиотерапии ей стало немного лучше, и она вознамерилась пережить прогноз врачей как минимум на месяц. Она сказала, что ее единственная цель – увидеть мой выпускной, и если я не буду ходить в школу каждый день, то могу отнять это у нее. После этого я перестал с ней спорить.

Было сложно писать Наоми грубые письма, пока я смотрел, как моя мать слабеет с каждым днем. Когда ушел отец, я использовал письма к Наоми как возможность выпустить злость, с которой он меня оставил. Но когда мама заболела, когда стало ясно, что она медленно умирает, я чувствовал только отчаяние. Она не хотела оставлять меня – ее забрали у меня против воли.

Когда моя мать заболела, письма Наоми стали необходимым отвлечением.

Дорогая Наоми.

Ты не поступишь ни в один из колледжей, куда подала документы, потому что ты не так умна, как думаешь. Твои родители и учителя ввали тебе все эти годы. Ты, скорее всего, даже не выступишься. Директор объявит твое имя, даст пройти к сцене и, вместо того чтобы поздравить, как остальных учеников, скажет, что ты провалилась и тебе надо заново начинать старшие классы. Все последние четыре года. Это будет ужасно унижительно, но я буду не особо удивлен.

С любовью,

Лука

Отвлекаясь от школы, не будучи маминым поваром или шофером, я ловил себя на том, что изучаю страничку Наоми. Раз за разом просматривал все фото, которые видел сотни раз, прежде чем перейти к новым, которые еще не видел. Она постила что-то свежее почти каждый день. Я гадал, знает ли она, что ее личные мысли доступны всему миру. Знает ли она, что я могу прочесть все то, что она не пишет в своих письмах. Иногда она публиковала что-то смешное, иногда рассказывала о том, что планирует делать в тот день, а иногда ругалась на то, как ее обижали. Если учесть мою слежку в интернете и письма, которые она присылала мне с пятого класса, мне начинало казаться, что я знаю ее. Я сомневался, что ее друзья догадывались о том, насколько черное у нее чувство юмора.

Я немного ревновал каждый раз, когда она выкладывала фото с каким-то парнем. Я предполагал, что это может быть ее парень, потому что некоторые посты были про него. Я переживал, что она перестанет писать мне, если узнает, сколько времени я провел, разглядывая ее фото и читая то, что она написала на своей странице. Иногда я засыпал, представляя, что это я обнимаю ее на фотографии, которую она выложила.

Как-то раз рано утром, пока мама еще не проснулась, я набрал в поисковой строке имя своего отца, но так и не смог найти его профиль. Я пытался звонить ему, но звонок шел прямо

на чужую голосовую почту. Знал, что так будет. Не в первый раз пробовал звонить на его старый номер.

Я не скучал по нему: он сделал свой выбор. Но все равно от злости швырнул телефон на кровать и проследил, как он отлетел и ударился о стену, прежде чем упасть на пол. Было несправедливо, что отец оставил меня одного разбираться со всем этим. Я ненавидел его за то, что он где-то там наслаждался жизнью, не заботясь о том, что в мире есть моя мать, я и то, с чем нам приходится справляться.

Подобрав телефон, я увидел свежую трещину на экране. Пнул угол кровати и выругался. Во мне кипела злость на телефон, на отца и в этот момент даже на мать.

Я ненавидел себя даже за само наличие такой мысли. Я злился на рак, а не на нее. И на свое желание, чтобы отец был здесь и помог нам преодолеть все это. Но он был нам не нужен. Я просто хотел бы, чтобы он позвонил.

Здоровье матери ухудшилось к концу апреля. Она не должна была дотянуть до мая, но цеплялась за жизнь, как только могла. Она твердо решила дожить до моего выпуска. Когда я перелистнул календарь на май, у нас возникло ощущение, что мы достигли некоего рубежа. Мама превзошла свою болезнь, пусть даже на день.

А потом прошел еще один день, и еще один, и, прежде чем мы успели это понять, наступил конец мая. Маме не становилось лучше, и большую часть времени у нас в доме дежурила медсестра из хосписа. Она следила за тем, чтобы маме было удобно. Каждый день был лишь еще одним днем выживания, еще одним днем ожидания, что он будет последним.

Утром на мой выпускной мама обняла меня со слезами на глазах. Она была так слаба, что я едва почувствовал ее прикосновение. Тогда она в первый раз за несколько дней смогла встать с постели.

– Мы справились, – сказала она. – Я увижу выпускной своего сына.

Когда она сказала это, уже *мои* глаза защипало от слез. За последний месяц я часто ловил себя на мысли о том, что единственное, что держит ее в живых, – цель дотянуть до этого дня. Теперь, когда мы добрались до него, мне не хотелось ее отпускать, но и не хотелось заставлять ее продолжать страдания лишь потому, что я не могу найти в себе сил попрощаться.

– Мы справились, – повторил я.

В тот день я сам доехал до школы, размышляя обо всем, что произошло за последние месяцы. Иногда накатывало ощущение, будто прошло всего несколько дней.

То, что мама прожила еще один месяц, не слишком впечатлило ее врачей. Совсем другая история, если бы мама каждое утро выпрыгивала из кровати и танцевала в гостиной, перед тем как сделать себе чашечку кофе. Она ни в коем случае не была медицинским чудом. Пусть я ценил каждый лишний день, который мог с ней провести, казалось, что все остальные удивлены, что она все еще не умерла.

Я столкнулся с Беном, когда на нас обоих были шапочки и мантии после репетиции. Его девушка фотографировалась с группой девчонок – с двумя из них я встретился в десятом классе, – так что на пару минут мы остались одни.

– Как дела у твоей мамы? – спросил он.

В те дни почти все начинали разговор со мной именно так. Иногда я хотел, чтобы кто-то спросил у меня о чем-нибудь другом. Я был бы благодарен за небольшое отвлечение. Но сегодня поговорить про нее было приятно.

– Она сегодня по-настоящему счастлива, – сказал я. – Ей не стало лучше, но она протянула на месяц дольше, чем говорили врачи. Она просто радуется, что увидит мой выпуск из школы.

– Это здорово, – ответил Бен. – Я знаю, сколько это значит для вас обоих. Ты все еще собираешься уходить в морпехи или пока забросил эту идею?

– Учеба начнется через месяц.

- Ты не собираешься это откладывать? А как же твоя мама?
- Она и так долго не должна была прожить.
- Но прожила. А если проживет еще месяц?

Я не думал, что она сможет прожить еще месяц, даже еще неделю, но я знал, что вслух это прозвучит бессердечно. Мне нужно было пойти в армию, чтобы отслужить четыре года ради пособия для демобилизованных и после этого пойти в колледж. Не будь у меня этого плана, у меня не было бы ничего.

- Я буду здесь, в Сан-Диего, если что-то случится.

Девушка Бена ушла от подружек и начала подзывать его. Он помахал ей, потом повернулся ко мне.

– Мне пора. – Он уже почти отвернулся, но задержался. – У меня дома сегодня будет выпускная вечеринка. Приходи.

- Хорошо. Я попробую.

Как бы я ни скучал по социальной жизни вне школы, я сомневался, что смогу добраться до вечеринки. Дни моей матери были сочтены, и я не представлял свой вечер нигде, кроме как возле нее, после того как мы закончим с торжественной частью.

Церемония выпуска проводилась на футбольном стадионе. Мы были большим выпускным классом, и стадион был заполнен. Когда объявляли наши имена, мы по одному выходили на сцену, жали руку директору и фотографировались с дипломами. Когда назвали мое имя, раздались аплодисменты и парочка поддерживающих криков. Я вглядывался в толпу, но не успел присмотреться как следует, прежде чем пришлось вернуться на свое место.

Когда церемония закончилась и все остальные начали кидать шапочки в воздух и фоткаться вместе со своими семьями, я снова осмотрел толпу. Я сомневался, что у мамы будут силы ходить, так что искал инвалидное кресло. Футбольное поле внезапно стало настолько забито людьми, что ее невозможно было бы увидеть. Я дважды обошел вокруг, прежде чем начал волноваться.

А потом увидел ее. Не мою мать, а медсестру из хосписа, которая утром была у нас дома. Я оглядел толпу вокруг нее, понимая, что мама должна быть где-то недалеко. У меня заняло больше времени, чем должно было, чтобы понять выражение на лице медсестры.

- Я сожалею, Лука.
- Где она? Ей пришлось поехать в больницу?

Медсестра сжала губы в линию.

- Давай отойдем на парковку, – сказала она.

Я поймал взгляд Бена, когда шел вслед за медсестрой с переполненного футбольного поля. Мы держали зрительный контакт, пока я не отвернулся.

- Это случилось. Верно?

Мой голос звучал сипло, как будто раздавался откуда-то издалека.

Глаза медсестры, когда она повернулась ко мне, были полны слез. Не думаю, что визит на выпускной к школьнику, чтобы сообщить о смерти его матери, был обычным делом для ее работы.

– Мне так жаль, – сказала она. – Я знаю, как сильно она хотела быть здесь. Она только и говорила об этом дне. Если тебя это как-то утешит, ее последние слова были о том, как она любит тебя и как хочет посмотреть торжественную часть после того, как подремлет.

- Она умерла во сне?

Медсестра кивнула.

- Боли точно не было. Честно.

- Я должен был быть рядом.

– Понимаю, насколько тебе сложно узнать об этом вот так, но ты находился там, где должен был быть. Она хотела бы этого. Если бы твоя мама смогла прийти, она была бы здесь, но, думаю, она умерла счастливой, зная, что ты здесь.

Ступор, пришедший с изначальным шоком от новости, постепенно спадал. Я чувствовал, как мне сдавливает горло, как глаза начинает жечь от слез. Медсестра, понимая, что я вот-вот сорвусь, сделала шаг вперед и крепко обняла меня. Я не осознавал, насколько мне были нужны эти объятия, пока она этого не сделала. Я плакал у нее на плече, в ее волосы, пока парковка не начала наполняться другими учениками и их родственниками. До меня не сразу дошло, что я так и не спросил имя той медсестры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.